

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(19 февраля 2017г.)**

г. Санкт-Петербург- 2017

© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XVII международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2017. – 72с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сущенко В.А. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ.....	5
Юлова А.К., Дементьева Ф.Н. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II КАК ОСНОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ.....	10

ПОЛИТОЛОГИЯ

Жигулин С.Д., Лукин Е.И. РОЛЕВАЯ СИСТЕМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ.....	22
Гринёва Ю.А. ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД С 2002 ПО 2007 ГГ.	27

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лещёва О.А., Наследников Ю.М., Холодова О.М. КЛАСТЕРНЫЙ МЕТОД ИНТЕЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА «СВЕТОТЕХНИКА И ИСТОЧНИКИ СВЕТА» НАПРАВЛЕНИЯ 11.03.04 ЭЛЕКТРОНИКА И НАНОЭЛЕКТРОНИКА	
Наумова Е.В. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА	37

ФИЛОЛОГИЯ

Бекбосынов А.М. XIX ҒАСЫР ӘДЕБИЕТІН ОҚЫТУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	41
Рейдаленко Ю.А. СМЕХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	45
Гурова Ю.И. МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ДИАХРОНИИ.....	51
Холодняк Л.В., Ломтева Т.Н. КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОСТИ: РЕАЛЬНОЕ VS ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	56

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Кадырова З.Р., Кадырова Ф.Р.

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК ФАКТОРЫ
НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА..... 64

Слок В.И.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ РИСКА В
ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 69

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНСКОГО КРАЯ В XIX ВЕКЕ.

Сущенко Виктор Алексеевич

*Доктор исторических наук, доцент Южного федерального
университета, профессор кафедры исторической политологии,
город Ростов-на-Дону.*

Характерной приметой социально-экономического развития России в XIX веке, как и сейчас, была крайняя поляризация российского общества. Только тогда эта негативная сторона российской действительности отчасти сглаживалась широкой благотворительной деятельностью со стороны представителей имущих классов. Именно она стала одним из регуляторов социальной стабильности, ибо существующая система государственного призрения была не в состоянии обеспечить поддержку всем в ней нуждающимся. В настоящее время традиции филантропии и меценатства, то есть помощь со стороны богатых людей своим менее удачливым соотечественникам, приобретают особое звучание, особенно если эта помощь идёт со стороны представителей национальных диаспор, что способствует изживанию в нашем обществе проявлений ксенофобства и сепаратизма.

Примером подобной благородной деятельности в XIX веке стало активное участие представителей греческих общин городов Ростова и Таганрога в улучшении системы здравоохранения, в поддержке духовно-нравственных основ жизни общества и в оказании прямой материальной помощи людям, оказавшимся на обочине жизни.

Для отдельных предпринимателей из греческой диаспоры такая филантропия стала истинным подвижничеством, получившим большой резонанс не только в регионе, но и во всей стране, что нашло своё отражение, как в народной памяти, так и в сохранившихся источниках. В качестве примера можно вспомнить о вкладе видного предпринимателя Ивана Андреевича Варваци в развитие городского здравоохранения. Обратив внимание на то, что городская больница помещается в ветхом, грозившем окончательно разрушиться, деревянном доме, он 16 января 1818 года предложил в дар городу Таганрогу выстроенный им около греческого монастыря каменный дом с прилегающей к нему территорией для размещения в нём городской богадельни и больницы. Другие члены греческой диаспоры, последовали его примеру, тоже приняли активное участие в сборе пожертвований на устройство больницы. Помимо этого здания И. А. Варваци подарил для богоугодных заведений своего города купленный им большой деревянный дом «со службами, пятнадцатью десятинами земли, фруктовым садом, мельницею и колодцем [6, д.66, л.13].

В 1824 году вся эта недвижимость, включая городскую богадельню с больницей и домом, в котором она находилась, а также имение, подаренное И.А. Варваца «для богоугодных заведений, также с делами и капиталом, которого было на лицо 15871 руб. 26 3/4 коп. и в долговых обязательствах 102177 руб. 30 3/4 коп., а всего 118048 руб. 57 1/2 коп.» была передана Строительному Комитету» [6, д. 66, л. 13]. Денежные средства на их обустройство состояли главным образом из процентов, взыскивавшихся при совершении купчих, а также процентов «о переходе судов от одного владельца другому и отдачею этого капитала за известные проценты разным лицам; кроме того в состав этого капитала вошли и значительные пожертвования» [6, д. 66, л. 14].

Таким образом, благодаря этому греческому предпринимателю в Таганроге появилась первая общедоступная больница. Имя этого филантропа навсегда осталось в памяти города как человека щедрого и неравнодушно-го в деле сбережения и оздоровления населения.

Благотворительная деятельность И.А. Варваца в области здравоохранения была продолжена его последователями, тоже пожертвовавшими немалые средства на развитие больничного дела. Об этом свидетельствует следующий документ. О том, что «...таганрогский купец Герасим Федорович Депальдо по духовному завещанию 31 декабря 1822 года завещал 20 000 руб. на устройство дома для призрения потерпевших крушение, несчастие и одержимых болезнями неимущих мореходцев, предпочтительно греков, до 15 человек; а на расходы по содержанию дома – 100000 руб., которые должны быть положены в сохранную казну на вечные времена. Его душеприказчики Иван Бозо, Мария Альфераки и Егор Дженаки, желая осуществить волю завещателя, прежде всего, нашли подходящий дом и приобрели его за 17000 руб., с дворовым местом в 63X19 саженой и 1/2 аршин» [7, д. 8, л. 6].

Затем в 1824 году душеприказчики обратились к Императрице Марии Федоровне с просьбой принять это заведение под свое покровительство. Государыня представила данное ходатайство Императору Александру Павловичу, и 9 декабря получила его обратно с собственноручною надписью Александра I: «Принятие Вашим Императорским Величеством под особое свое покровительство сего заведения послужить к устройению прочным образом его благосостояния. Александр» [7, д. 8, л. 6].

Таганрогский градоначальник вскоре получил распоряжение от генерал-губернатора открыть этот Странноприимный Дом при соблюдении следующих условий. Во-первых, чтобы при его открытии были приняты в руководство составленные душеприказчиками и утвержденные правительством правила и штаты этого заведения. Во-вторых, чтобы это заведение считалось состоящим под покровительством Государыни Марии Федоровны и именовалось: «Императорский Странноприимный Дом купца Герасима Депальдо». В-третьих, чтобы осуществлялось наблюдение за точным исполнением предписанных порядков и правил этого заведения. Посему

следовало «...постановить Таганрогскому греческому обществу в обязанность, чтобы для управления сим домом избирало по баллотированию через каждые три года из честных и почетных граждан попечителей, которые обязанность как в деле, милосердия должны исполнять без жалованья» [7, д. 8, л. 6].

Такой поступок богатых греков свидетельствовал о сплоченности греческой диаспоры, о её желании оказать помощь любому своему соплеменнику, да и представителю другой национальности, оказавшемуся в трудной ситуации.

В удовлетворении духовных потребностей местного населения существенную поддержку оказал греческий предприниматель Дмитрий Бенардаки, причём, не только на донской земле, но и на территории всей России, даже далеко за ее пределами. Он поддерживал морально и материально единственный в Греции русский Свято-Пантелеймонов монастырь. Повсюду за свой счёт строил православные храмы: каменный православный храм при русской дипломатической миссии в Афинах, каменный православный храм в башкирском посёлке Авзян. Деревянный храм на приискском стане Васильевского прииска и неизвестно, сколько ещё подобных церквей было им построено на других приисках [5, с. 12].

Трагической оказалась судьба построенного в Санкт-Петербурге на средства Дмитрия Бенардаки храма во имя великомученика Дмитрия Солунского. Он, к сожалению, не сохранился до наших дней, хоть и являлся выдающимся архитектурным памятником. Журналист А. Корин приводит слова современников Дмитрия Бенардаки, опубликованные в 1884 году журналом «Нива»: «Греческая церковь во имя святого великомученика Дмитрия Солунского, построенная на Песках, между Четвертою и Пятою Рождественскими улицами, представляет собой в нашей столице один из лучших в мире образцов византийского зодчества» [5, с. 12].

Проявляли заботу греческие предприниматели и об оздоровлении социальной атмосферы в обществе, учредив в начале 1866 года благотворительное общество для оказания материальной и иной помощи всем нуждающимся. Средства общества составляли ежегодные отчисления Общественным Банком из прибылей по 500 рублей, членские взносы и добровольные пожертвования.

17 ноября 1866 года устав общества был полностью утвержден, и уже в декабре поступило первое крупное пожертвование от отставного поручика Константина Георгиевича Бенардаки, состоящее из дома с подсобными помещениями и землю «37 X 32 2/3 сажень». Это имение было оценено в 15000 руб. Первыми учредителями Общества стали И.Д. Альфераки, М.Н. Варвацци и другие видные российские предприниматели греческого происхождения. Все учредители внесли свою лепту в работу этого общества своими крупными пожертвованиями. Причём, пожертвования со стороны богатых представителей греческой диаспоры были наиболее

внушительными, так как капиталов у них было гораздо больше, чем у других учредителей.

Инициатива учреждения другого благотворительного общества принадлежала греческому предпринимателю Марку Николаевичу Варваци. Он пожертвовал 5000 руб. для устройства в Таганроге приюта «Ясли» для маленьких детей оставленных родителями на произвол судьбы. Устав этого общества был утвержден 16 ноября 1886 года. Данное общество должно было находиться в ведомстве Императрицы Марии. По уставу общества дети оставались в приюте до достижения ими четырехлетнего возраста, а затем становились получателями денежной стипендии из средств Варваци и поступали в другой детский приют. Делами Общества управлял комитет, членами которого в первое время были дочери М.Н. Варваци: Е. М. Лакиер и А. М. Попудова.

Ко времени открытия приюта «Ясли» средства, выделенные М. Н. Варваци на его содержание, составляли «5000 руб.; с учётом процентов, наросших со дня пожертвования 2339 руб.; членских взносов 4350 руб.; единовременных пожертвований 1741 руб. и кружечного сбора 96 руб.». Приют «Ясли» был открыт 8 февраля 1890 года. Из отчета приюта за первый год его существования можно узнать предварительные результаты его деятельности. Всего «было принято младенцев (разной национальности, в основном греческой и русской) - 112, из них 51 мужского пола и 61 женского; из них состоит на лицо 78; из каковых 75 на руках кормилиц и 3 в помещении приюта; 7 отправлено в Новочеркасский сиротопитательный дом, 7 возвращено матерям по просьбе их, 1 отдан в усыновление и 19 умерло. На их содержание было израсходовано 3856 руб. 86 коп.» [8, д. 13, л. 10]. С каждым последующим годом количество содержащихся в приюте младенцев увеличивалось, вследствие чего для нужд приюта в 1894 году этим Обществом было приобретено новое помещение.

Еще одно «Общество призрения неимущих и помощи нуждающихся» было открыто в Таганроге в 1885 году, причём тоже на средства греческих предпринимателей. Это общество отличалось от других тем, что оно было, во-первых, многофункциональным по роду своей деятельности, а с другой стороны тем, что исполнительная власть в нём принадлежала представителям местной администрации. В данном случае участие городской администрации в благотворительной деятельности имело положительное значение, так как способствовало оказанию более целенаправленной и масштабной помощи всем, кто в ней нуждался. Во время безработицы или суровой зимы Комитет этого общества доставлял бедным уголь, «который иногда целыми вагонами жертвовал Д. А. Негропonte» [8, д. 13, л. 6].

Это же Общество устраивало в так называемом Солдатском саду приют для пожилых людей, содействуя, таким образом, сокращению количества нищих в городе. Одна из немаловажных задач Общества заключалась в том, что оно занималось выпиской паспортов для крестьян, живущих в Таганроге, благодаря чему те избавлялись от ряда проблем,

главным образом, от «опасности попасть в руки какого-либо умного ходатая или волостного писаря, пользующихся невежеством темного человека и сосущих его» [8, д. 13, л. 6]. Особой миссией наделялось одно из отделений этого Общества, основанное в 1892 году под названием «Сиротский приют», предназначавшееся для детей, оставшихся без родителей во время вспышки эпидемии холеры в городе в 1892 году. Когда приют был открыт, то в него сразу поселили: «15 мальчиков и 8 девочек, оставшихся сиротами после смерти от холеры их родителей; в следующем году поступило еще 33, из них 24 мальчика и 9 девочек» [9, д.9, л.1]. Когда с прекращением эпидемии холеры отпала надобность в приюте, его закрывать не стали. Общество решило сохранить приют для сирот и детей неимущих родителей. Следовательно, данное Общество видело свою миссию в поддержании бедных слоев населения в трудные периоды их жизни, способствуя, тем самым, сбережению населения.

Таким образом, благодаря своим многомиллионным состояниям и искреннему желанию помочь бедным, богатые греки внесли существенный для своего времени вклад в сохранение здоровья, а то и жизни, простых людей. В их благотворительной деятельности мы видим проявление присущих лучшим представителям греческого народа таких черт характера, как великодушные, доброта, щедрость и чувство сопричастности к нуждам и бедам простого народа. Все созданные ими благотворительные учреждения и общества призрения преследовали самые благороднейшие цели - обеспечение здравоохранения, поддержку духовной сферы и обеспечение нормальных условий жизни людей.

Их широкая благотворительная деятельность была обусловлена как прагматическими, так и этическими факторами. С одной стороны, немалую роль играла заинтересованность греческих предпринимателей в обеспечении обездоленных людей надёжной профессией и стабильными доходами, чтобы смягчить социальную напряженность как внутри греческой общины, так и в окружающем их интернациональном сообществе. С другой стороны, проявление милосердия и сострадания отражало главный нравственный принцип православного ортодоксального христианства, чему были привержены представители греческой диаспоры на Юге России. Состоятельные греки с готовностью и охотно жертвовали огромные средства на возведение храмов, учреждение приютов, богаделен, больниц в надежде искупить свои земные грехи и обрести затем покой и благодать в жизни вечной. Ещё одним побудительным мотивом к благотворительной деятельности являлось желание состоятельных греков просто помочь своим менее удачливым соплеменникам и заодно хорошо отблагодарить коренное население приютившей их новой Родины.

Список литературы:

1. Булатова М. Греческое общество в Таганроге // Таганрогская правда. 1991. 2 марта.

2. Григорьева Н. Таганрогские греки или греческие таганрожцы? // Таганрогская правда. 1999. 6 ноября.
3. Киричек М. Связь времён // Греки в истории Таганрога: Альманах. Таганрог, 2000. Вып. 1. С. 30-32.
4. Рузин А. Чтобы помнили... // Таганрогская правда. 1997. 14 октября.
5. Корин А. Потомок древних афинян стал первым русским миллионером//Русский предприниматель №11(18). Декабрь 2003 – январь 2004 г.
6. Таганрогский филиал государственного архива Ростовской области (ТФГАРО). Ф. 189, оп. 42. Далее ТФГАРО.
7. ТФГАРО. Ф. 261, оп. 9.
8. ТФГАРО. Ф. 485, оп. 40.
9. ТФГАРО. Ф. 547, оп. 6, д. 9, л.1.
10. Филевский П. П. История города Таганрога. Таганрог: Сфинкс, 1996. 380 с.
11. Цымбал А. «Вполне интересные и полезные для города граждане» // Греки в истории Таганрога: альманах. Таганрог, 2000. Вып. 1. С. 28-29.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II КАК ОСНОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ

Юлова Анна Кимовна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Шадринского государственного педагогического университета

Дементьева Фёкла Николаевна

Преподаватель кафедры педагогики

641800, РФ, Курганская область, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

EDUCATIONAL POLICIES OF CATHERINE II AS THE BASIS OF THE TRADITIONS

Ulova Anna.

*The candidate of pedagogical Sciences, diet of the Department of pedagogy
Shadrinsk state pedagogical University*

Dementieva Thekla

The teacher of Department of pedagogics

641800, Russia, Kurgan region, Shadrinsk St. Liebknecht, 3.

АННОТАЦИЯ

Екатерина II в своих педагогических работах делает акцент на необходимости воспитательного характера образования, пропагандирует тесную связь умственного и нравственного воспитания. Вопросам содержания воспитания и обучения, мы можем отметить, что она, будучи человеком, любящим учиться и понимающим цену знаниям указывала на важность и

значимость образования как для конкретной личности, так и для общества в целом.

ABSTRACT

Catherine II in her pedagogical work focuses on the need of an educational nature education, promoting a close relationship of mental and moral education. The content of education and training, we can say that she, being a person who loves to learn and realize the value of knowledge pointed to the importance and significance of education for specific individuals and for society as a whole.

Ключевые слова: знания, наследие, образование, взгляды, воспитание.

Keywords: knowledge, heritage, education, looks, education.

В конце XVIII в. начинают складываться основные теории образования. Одной из них явилась теория формального образования, которая рассматривала обучение только как средство развития способностей и познавательных интересов учащихся.

В педагогическом наследии Екатерины II нет конкретных указаний на то, что она знала о существовании этой теории. Но в своих рекомендациях по отбору содержания учебного материала для учащихся она считала необходимым подчеркнуть значение развивающей функции обучения наряду с другими ее функциями. В целом она выделяет три функции, которые должны реализоваться в процессе обучения: образовательную («образование ума»), воспитательную («образование сердца») и развивающую - формирование умений «словесного выражения», а также для пробуждения развития и совершенствования чувства истины, добра и красоты. Эти функции, по мнению Екатерины II, должны быть заложены в содержание учебных книг, в том числе книг для первоначального обучения[1,7-12].

Так как в тогдашней России было очень мало книг, пригодных для детского чтения, Екатерина II сама составила ряд учебных пособий и других книг. Учебные пособия или «руководства», написанные ею, были составлены по образцу современных ей немецких книг для детского чтения. В Германии наибольшим успехом пользовались книжки энциклопедического, хотя и несколько поверхностного характера. Взяв за образец эти книги, Екатерина II стремилась сделать детскую книгу «народной», собранием богатых мыслей и наблюдений фольклорного характера, изложенных в привлекательной форме. Изучение материала книг для чтения должно, по ее мнению, вестись в определенной последовательности: 1) сказки; 2) «Разговоры и рассказы» и «Выборные российские пословицы»; 3) «Гражданское начальное учение» и «Продолжение начального учения»; 4) «Записки первой части». Специфика сказок, сочиненных Екатериной II, как учебного материала, состоит в том, что их содержание, благодаря своей образности и иносказательности, заключают в себе интерес, способный привлечь внимание детей и возбудить их нравственные чувства, так как нравственные наставления составляют практически всё основное содержа-

ние сказок. Обе написанные Екатериной II сказки - «О царевиче Февее» и «О царевиче Хлоре» - в значительной степени сходны по смыслу, характеру и общей направленности. Различаются только форма, стиль и манера изложения. Первая - в более простой, а вторая - в аллегорической форме изображают идеал молодого царевича, воспитанного в правилах добродетели и, вопреки всем препятствиям, идущего прямой дорогой к указанной ему цели - той же добродетели[1,2].

Нравоучительный характер прослеживается в содержании «Начального гражданского учения» и в «Продолжении начального учения». Это - короткие рассказы из древней истории, в которых описываются свойства и качества выдающихся личностей классической древности (рассказы о Кире, Александре Македонском, Цезаре, спартанцах и т.д.). Большинство рассказов повествует о жизни монархов. Это, по-видимому, объясняется тем, что они были предназначены, прежде всего, для конкретных детей - будущих правителей.

Материал для детского чтения из «Записок первой части» отличается особым содержанием. Главные цели этой работы: 1) сообщить воспитанникам положительные знания, расширить их кругозор и взгляды на реальный мир вообще, и на мир русский, в частности; 2) продолжить нравственное воспитание, «укреплять детей в добродетелях». Сведения, которые Екатерина II сообщает учащимся в этой работе, достаточно разнообразны: это знания в области географии, этнографии, истории, языка, торговли, промышленности. В центре внимания всей сообщаемой информации находится Россия и материалы о ней[13-18].

В высказываниях Екатерины II о том, для какого возраста предназначались написанные ею книги, точных сведений нет. Но анализ их содержания, присущий им стиль изложения позволяет предположить, что они предназначались для первоначального обучения. Но этот этап обучения не ограничивался лишь изучением данных книг. В той части «Инструкции», где говорится об обучении, Екатерина II четко определяет круг предметов, подлежащих изучению на этом возрастном этапе. Среди них первое место занимает Закон Божий. Это и дань традиции того времени, и глубокое убеждение императрицы в воспитательной ценности этого предмета. Она прямо указывает, что знание Закона Божия - первая добродетель. Не входя в подробное рассмотрение содержания и способа преподавания этого предмета, Екатерина II, в религиозном воспитании внуков, полагается на рекомендации выбранного ею законоучителя - протоиерея Софийского Самбурского[21].

Екатерина II считала, что кроме указанных языков Великих Князей необходимо обучать и греческому, который она называла «главнейшим и наиболее полезным». Причина такого отношения к изучению этого языка, по-видимому, объясняется тем, что из греческого были заимствованы многие общепринятые термины научно-технической и культурной лексики, философские понятия; а также тем, что сам этот язык, по словам императрицы,

«отличается приятной гармонией, игрой мыслей и изобилием», а переводы с греческого были, по ее мнению, удовлетворительными. Одновременно с практическим обучением языкам должно происходить обучение чтению, письму, рисованию и арифметике, а также каллиграфии. После предметов первоначального обучения предписывалось начать изучение географии, причем начинать следовало с тем по России. В содержание этого этапа обучения Екатерина II включала также сведения из астрономии и математики. Астрономия понималась как продолжение изучения географии («от глобуса земного к глобусу небесному»). Отдельно присутствуют такие предметы, как хронология и генеалогия. Затем следуют предписания о преподавании истории, нравов и «правил закона гражданского». Не вполне понятно, что подразумевалось Екатериной II под «нравоведением», но видно, что это должен был быть отдельный предмет обучения[22-34].

Содержание обучения детей Екатерина II сознательно направляла преимущественно на «познание России», что, безусловно, было связано с задачами гражданского и патриотического воспитания. Такие предметы, как законоведение, правоведение, политико-экономические сведения и военное искусство во всех его отраслях должны были рассматриваться также по отношению к России. Особое внимание к русской истории, важность которой Екатерина II, возможно, понимала больше, чем кто-либо из ее подданных, повлияло, на наш взгляд, и на формирование русского национального самосознания и на значительное развитие русской исторической науки в последующие годы.

Идеи Екатерины II по вопросам физического воспитания имели большое значение для последующего времени и, в частности, послужили руководством к новому Уставу Шляхетского корпуса. Таковы взгляды Екатерины II по вопросам содержания воспитания и обучения, которые имели своей целью формирование человека новой генерации[35-44].

Подводя итоги рассмотрения взглядов Екатерины II по вопросам содержания воспитания и обучения, мы можем отметить, что она, будучи человеком, любящим учиться и понимающим цену знаниям, в своих произведениях неоднократно указывала на важность и значимость образования как для конкретной личности, так и для общества в целом.

Список литературы:

1. Болгова, А. М. Педагогические воззрения Екатерины II : Авт ... кандидата педагогических наук. Белгород 1999.
2. Кудряшов Д.А., Кириченко Р.В., Соколов М.И. Вопросы содержания воспитания и обучения в педагогическом наследии Екатерины II Кудряшов Д.А., Кириченко Р.В., Соколов М.И. Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 3 (6). С. 71-76.
3. Стародубцев, М.П. Становление государственной системы общего образования в России в последней трети XVII века / Стародубцев М.П., Слепов В.Я. // Мир образования - образование в мире. 2012. № 2. С. 10-24.

4. Стародубцев, М.П. Реформы системы образования России середины XVIII в наука и бизнес: пути развития. 2012. № 10 (16). С. 028-033.

5. Стародубцев, М.П. Педагогические размышления и проекты организации образования во времена правления Екатерины II / М.П. Стародубцев // Вестник Санкт-петербургского университета МВД России. 2013. т. 57. № 1. С. 182.

6. Стародубцев, М.П. Значение педагогических идей Екатерины II для образования современной России / М.П. Стародубцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. т. 4. № 56. С. 222-228. 7. Стародубцев, М.П. Теория и практика российского воспитания и образования в XVIII веке / Стародубцев М.П. // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 249-261.

8. Стародубцев, М.П. Актуальные ценности идеала человека в понимании российского дворянства XVIII века: трансформация суждений / М.П. Стародубцев // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 202-212.

9. Стародубцев, М.П. Идеи просвещения как источник формирования отечественных взглядов на систему образования / М.П. Стародубцев // Научное мнение. 2015. № 1-2. С. 32-36.

10. Стародубцев, М.П. Проекты развития российского образования второй половины XVIII века Стародубцев М.П. в сборнике: междисциплинарные исследования в сфере интеграции образования и науки сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-петербургского военного института внутренних войск МВД России Санкт-Петербург, 2014. С. 125-129 11. Стародубцев, М.П. Взгляды Екатерины II на воспитание «новой породы» дворянства как основа образовательной политики / М.П. Стародубцев // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 180-189.

12. Стародубцев, М.П. Влияние образовательной политики России XVIII в. на формирование среднего класса государства / М.П. Стародубцев // Мир образования - образование в мире. 2014. № 1. С. 51-60.

13. Стародубцев М.П. Воспитание как функция формирования и становления российской традиции / М.П. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 4 (110). С. 158-164.

14. Стародубцев, М.П. Основные направления социально-педагогических взглядов Екатерины II / М.П. Стародубцев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 1 (107). С. 172-177.

15. Стародубцев, М.П. Социальная направленность педагогических реформ Екатерины великой / М.П. Стародубцев // Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 162-166.

16. Стародубцев, М.П. Культ разума, знания и воспитания - важнейшая ценность эпохи просвещения / М.П. Стародубцев // Вестник томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 291-

296. 17. Стародубцев, М.П. Образовательная политика российского государства, проводимая Петром I и Екатериной II / М.П. Стародубцев // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 155. С. 127-136.

18. Стародубцев М.П. Интеграция междисциплинарных знаний как основа развития компетенций курсантов военных вузов внутренних войск МВД России / Стародубцев М.П., Варенцов М.А. // Ученые записки университета им. п.ф. Лесгафта. 2014. № 5 (111). С. 175-179

19. Стародубцев, М.П. Создание и развитие светской школы в России XVIII века-органичная часть историко-культурного процесса / М.П. Стародубцев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 12 (106).С.151-155.

20. Стародубцев, М.П. Истоки формирования просветительских и педагогических взглядов Екатерины II / М.П. Стародубцев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 2 (12). С. 100-106.

21. Стародубцев, М.П. Распространение гуманистических взглядов западноевропейской цивилизации в России XVIII века / М.П. Стародубцев // Вестник томского государственного педагогического университета. 2012. № 8. С. 22-27.

22. Стародубцев, М.П. Идеи просвещения как источник формирования отечественных взглядов на систему образования / Стародубцев М.П. // Научное мнение. 2015. № 1-2. С. 32-36.

23. Стародубцев, М.П. Деятельность российского правительства по созданию системы гимназического и профессионального образования в конце XVIII века / Стародубцев М.П. // Научное мнение. 2015. № 3-2. С. 21.

24. Стародубцев М.П. Реформы системы образования России середины XVIII в / Стародубцев М.П. // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 10 (16).С.028-033. 25. Стародубцев М.П. Реформы образования Петра I и Екатерины II / Стародубцев М.П. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 148. С. 141-150.

26. Стародубцева О.М. Воспитание профессионального правосознания деятельности будущего офицера внутренних войск и требования, предъявляемые к его личности О.М. Стародубцева проблемы и перспективы развития образования в России. 2014. № 27. с. 119-124.

27. Стародубцев М.П. Воспитание в традициях российской армии. В сборнике: Инновационные тенденции развития системы образования Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». Чебоксары, 2016. С. 24-26.

28. Стародубцев М.П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус как универсальное учебное заведение XVIII века / Стародубцев М.П. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 1 (131). С. 223-238.

29. Стародубцев М.П., Фёдорова Н.М. К истории развития военно-педагогической теории и практики в системе военного образования офицеров России XVIII-XIX вв. Стародубцев М.П., Фёдорова Н.М. В сборнике: Современные проблемы науки и образования во внутренних войсках МВД России сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. Санкт-Петербург, 2015. С. 227-230.

30. Стародубцев, М.П. Педагогические идеи Екатерины II и Российских просветителей / М.П. Стародубцев // Вестник орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2012. № 7 (27). С. 177-183.

31. Стародубцев М.П. Развитие профессиональной подготовки офицеров русской императорской армии. Стародубцев М.П. В сборнике: Современное профессиональное образование: проблемы, прогнозы, решения Сборник докладов международной научно-практической заочной конференции 16 мая 2016 г.. фгбну «институт проблем национальной и малокомплектной школы российской академии образования» научно - образовательный центр «знание». Под научной редакцией Ф.Ш. Мухаметзяновой. 2016. С. 195-199.

32. Стародубцев М.П. Воспитание в традициях российской армии Стародубцев М.П. В сборнике: Инновационные тенденции развития системы образования Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»; Харьковский национальный педагогический университет имени Сковороды; Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова; ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». 2016. С. 24-26.

33. Стародубцев М.П. Военно-учебные заведения как высшая форма военного образования в России во второй половине XVIII века

Стародубцев М.П. Казанский педагогический журнал. 2016. № 2-1 (115). С. 141-145.

34. Стародубцев М.П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус как универсальное учебное заведение XVIII века / Стародубцев М.П.

Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 1 (131). С. 223-228.

35. Стародубцев М.П. Идеи просвещения как источник формирования отечественных взглядов на систему образования. Стародубцев М.П.

Научное мнение. 2015. № 1-2. С. 32-36

36. Стародубцев М.П. Проекты развития российского образования второй половины XVIII века. Стародубцев М.П. В сборнике: Междисциплинарные исследования в сфере интеграции образования и науки сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. Санкт-Петербург, 2014. С. 125-129.

37. Стародубцев М.П. Становление российской системы образования во второй половине XVIII века / Стародубцев М.П. Идеология, традиции, проекты и их реализация / Санкт-Петербург, 2014.

38. Стародубцев М.П. Взгляды Екатерины II на воспитание «новой породы людей» дворянства как основа образовательной политики / Стародубцев М.П. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014.

39. Стародубцев М.П. Влияние образовательной политики России XVIII в. на формирование среднего класса / Стародубцев М.П. Мир образования - образование в мире. 2014. № 1. С. 51-60.

40. Стародубцев М.П. Воспитание как функция формирования и становления Российской традиции. / Стародубцев М.П. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 4 (110). С. 158-164.

41. Стародубцев М.П. Основные направления социально-педагогических взглядов Екатерины I / Стародубцев М.П. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 1 (107). С. 172-177.

42. Стародубцев М.П. Социальная направленность педагогических реформ Екатерины великой / Стародубцев М.П. Педагогическое образование в России. 2014. № 2. С. 162-166.

43. Стародубцев М.П. Актуальные ценности идеала человека в понимании российского дворянства XVIII века: трансформация суждений / Стародубцев М.П. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 202-212.

44. Стародубцев М.П. Теория и практика Российского воспитания и образования в середине XVIII века / Стародубцев М.П. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 249-261.

References:

1. Bolgova, A. M. Pedagogical views of Catherine II : the ... of candidate of pedagogical Sciences. Belgorod 1999.

2. Kudryashov, D. A., Kirichenko, R. V., Sokolov M. I. the content of education and training in the pedagogical heritage of Catherine II, Kudryashov D. A., Kirichenko, R. V., Sokolov I. M. Priority directions of development of science and education. 2015. No. 3 (6). P. 71-76.

3. Starodubtsev, M. P. the establishment of the state system of General education in Russia in the last third of the seventeenth century / M. P. Starodubtsev, Slepov V. J. // World of education - education in the world. 2012. No. 2. P. 10-24.

4. Starodubtsev, M. P. Reform of the education system of Russia in the mid XVIII in science and business: ways of development. 2012. No. 10 (16). S. 028-033.

5. Starodubtsev, M. P. Pedagogical reflections and projects of the organization of education during the reign of Catherine II / M. P. Starodubtsev // Vestnik of Saint Petersburg University of MIA of Russia. 2013. T. 57. No. 1. P. 182.

6. Starodubtsev, M. P. the Value of pedagogical ideas of Catherine II for the formation of modern Russia / M. P. Starodubtsev // Vestnik of Saint Petersburg University of MIA of Russia. 2012. vol. 4. No. 56. P. 222-228.

7. Starodubtsev, M. P. Theory and practice of Russian education in the eighteenth century / Starodubtsev, M. P. // Bulletin of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2012. No. 150. P. 249-261.

8. Starodubtsev, M. P. Actual values the ideal of the human in the understanding of the Russian nobility of the XVIII century: the transformation of judgments / M. P. Starodubtsev // Izvestia Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2012. No. 152. P. 202-212.

9. Starodubtsev, M. P. the ideas of the enlightenment as the source of domestic views on the education system / M. P. Starodubtsev // Scientific opinion. 2015. No. 1-2. P. 32-36.

10. Starodubtsev, M. P. the Projects of development of Russian education in the second half of the XVIII century Starodubtsev M. P. in the digest: an interdisciplinary study in the field of integration of education and science-collection of scientific works scientific-pedagogical staff of the Saint-Petersburg military Institute of internal troops of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, 2014. C. 125-129.

11. Starodubtsev, M. P. the Views of Catherine II on the education of the "new breed" of nobility as the basis of education policy / M. P. Starodubtsev // Izvestia Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2014. No. 164. P. 180-189.

12. Starodubtsev, M. P. the Impact of educational policy of Russia of the XVIII century. on the formation of the middle class of the state / M. P. Starodubtsev // World of education - education in the world. 2014. No. 1. S. 51-60.

13. Starodubtsev, M. P. Education as a function of the formation and development of Russian traditions / M. P. // scientific notes University. P. F. Lesgaft. 2014. No. 4 (110). P. 158-164.

14. Starodubtsev, M. P. the Main directions of socio-pedagogical views of Catherine II / M. P. Starodubtsev // scientific notes University. P. F. Lesgaft. 2014. No. 1 (107). 15 p. 172-177.

15. Starodubtsev, M. P. The social orientation of the pedagogical reforms of Catherine the great / M. P. Starodubtsev // Pedagogical education in Russia. 2014. No. 2. P. 162-166.

16. Starodubtsev, M. P., the Cult of reason, knowledge and education is the most important value of the enlightenment / Starodubtsev, M. P. // Bulletin of the Tomsk state pedagogical University. 2013. No. 9 (137). S. 291-296.

17. Starodubtsev, M. P., the Educational policy of the Russian state, carried out by Peter I and Catherine II / M. P. Starodubtsev // Izvestia Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2013. No. 155. C. 127-136.

18. Starodubtsev, M. P. Integration of multidisciplinary knowledge as a basis for the development of competences of students of military universities, inte-

rior troops of the MIA of Russia / Starodubtsev, M. P., Varentsov M. A. // scientific notes University. p. f. Lesgaft. 2014. No. 5 (111). P. 175 to 179.

19. Starodubtsev, M. P. the Establishment and development of secular schools in Russia of the XVIII century-an organic part of the historical and cultural process / M. P. Starodubtsev // scientific notes University. P. F. Lesgaft. 2013. No. 12 (106).With.151-155.

20. Starodubtsev, M. P. the Origins of the development of educational and pedagogical views of Catherine II / M. P. Starodubtsev // Science about person: humanitarian researches. 2013. No. 2 (12). P. 100-106.

21. Starodubtsev, M. P. the Spread of humanistic attitudes of Western European civilization in Russia XVIII century / M. P. Starodubtsev // Bulletin of the Tomsk state pedagogical University. 2012. No. 8. P. 22-27.

22. Starodubtsev, M. P. the ideas of the enlightenment as the source of domestic views on the education system / Starodubtsev, M. P. // Scientific opinion. 2015. No. 1-2. C. 32-36.

23. Starodubtsev, M. P. the activities of the Russian government on the creation of a system of gymnasia and vocational education in the late XVIII century / Starodubtsev, M. P. // Scientific opinion. 2015. No. 3-2. P.21.

24. Starodubtsev, M. P. Reform of the education system of Russia in the mid XVIII / Starodubtsev, M. P. // Science and business: ways of development. 2012. No. 10 (16).With.028-033.

25. Starodubtsev, M. P. the education Reforms of Peter I and Catherine II / Starodubtsev, M. P. // Bulletin of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2012. No. 148. P. 141-150.

26. Starodubtseva O. M. the education of the professional legal consciousness of the future officer of internal troops and the requirements of his or her personality Starodubtseva O. M. problems and prospects of education development in Russia. 2014. No. 27. C. estimated in 119-124

27. Starodubtsev, M. P. Education in the traditions of the Russian army. In the book: Innovative trends in the development of the education system the Collection of materials V International scientific-practical conference. LLC "Center of scientific cooperation, "Interactive plus". Cheboksary, 2016. S. 24-26.

28. Starodubtsev M. P. gentry army cadet corps as a universal school of the XVIII century / Starodubtsev, M. P. // scientific notes University. P. F. Lesgaft. 2016. No. 1 (131). P. 223-238.

29. Starodubtsev, M. P., Fedorova N. M. The history of the development of military pedagogic theory and practice in the system of military education of officers of Russia XVIII-XIX centuries. Starodubtsev, M. P., Fedorova N. M. In the book: Modern problems of science and education in the internal troops of the MIA of Russia collection of scientific works scientific-pedagogical staff of the Saint-Petersburg military Institute of internal troops of the MIA of Russia. Saint-Petersburg, 2015. P. 227-230.

30. Starodubtsev, M. P. Pedagogical ideas of Catherine II and Russian educators / M. P. Starodubtsev // Vestnik of Orel state University. Series: new humanitarian research. 2012. No. 7 (27). P. 177-183.

31. Starodubtsev, M. P. the Development of professional training of officers of the Russian Imperial army. Starodubtsev, M. P. In the collection: Modern professional education: problems, forecasts, solutions, Collection of reports of international scientific-practical conference on 16 may 2016 Federal state scientific institution "Institute of national schools and the Russian Academy of education" scientific - educational center "knowledge". Under the scientific editorship of S. F. Mukhametzyanova. 2016. P. 195-199.

32. Starodubtsev, M. P. education in the traditions of the Russian army
Starodubtsev, M. P. In the collection: Innovative trends in the development of the education system the Collection of materials V International scientific-practical conference. FGBOU VPO "Chuvash state University. I. N. Ulyanov"; Kharkiv national pedagogical University named after Skovoroda; Aktobe regional state University. K. Zhubanov; "Center for scientific cooperation "Inter-active plus". 2016. S. 24-26.

33. Starodubtsev M. P. Military educational institutions as the highest form of military education in Russia in second half xviii century

Starodubtsev, M. P. Kazan pedagogical journal. 2016. No. 2-1 (115). P. 141-145.

34. Starodubtsev M. P. gentry army cadet corps as a universal school of the eighteenth century / M. P. Starodubtsev

Scientific notes University. P. F. Lesgaft. 2016. No. 1 (131). S. 223-228.

35. Starodubtsev, M. P. the ideas of the enlightenment as the source of domestic views on the education system. Starodubtsev, M. P.

The scientific opinion. 2015. No. 1-2. S. 32-36

36. Starodubtsev, M. P. the Projects of development of Russian education in the second half of the XVIII century. Starodubtsev, M. P. In the collection: Interdisciplinary research in the field of integration of education and science-collection of scientific works scientific-pedagogical staff of the Saint-Petersburg military Institute of internal troops of the MIA of Russia. Saint Petersburg, 2014. C. 125-129.

37. Starodubtsev, M. P. Formation of the Russian system of education in the second half of the XVIII century Starodubtsev M. P. Ideology, traditions, projects and their implementation / Saint-Petersburg, 2014.

38. Starodubtsev, M. P. the Views of Catherine II on education, "a new breed of people" of the nobility as the basis of educational policy / Starodubtsev, M. P. Bulletin of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. 2014.

39. Starodubtsev, M. P. the Impact of educational policy of Russia of the XVIII century on the formation of the middle class Starodubtsev, M. P. the World of education - education in the world. 2014. No. 1. S. 51-60.

40. Starodubtsev, M. P. Education as a function of the formation and development of Russian traditions. Starodubtsev, M. P. // scientific notes of University named. P. F. Lesgaft. 2014. No. 4 (110). P. 158-164.

41. Starodubtsev, M. P. the Main directions of socio-pedagogical views of Catherine I I/ Starodubtsev, M. P. // scientific notes of University named. P. F. Lesgaft. 2014. No. 1 (107). P. 172-177.

42. Starodubtsev, M. P. the Social orientation of the pedagogical reforms of Catherine the great / Starodubtsev M. P. Pedagogical education in Russia. 2014. No. 2. P. 162-166.

ПОЛИТОЛОГИЯ

РОЛЕВАЯ СИСТЕМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИХ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Жигулин С.Д.
магистрант 1 курса
факультета управления и психологии
Кубанского государственного университета

Лукин Е.И.
студент 4 курса
юридического факультета
Кубанского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В настоящей научной работе описываются этнополитические движения с точки зрения сравнения с общественными организациями и выделением в первом особенных черт. Необходимо подчеркнуть, что в основу создания этнополитических организаций ложатся системы ценностей и идеалов. Объединяют такие образования также наличие примерно одинаковых функций: Выявление и удовлетворение потребностей; репрезентативная; социализации и социальной интеграции.

Ключевые слова: Этнополитические движения, этнополитические организации, политический процесс, ролевая система, институционализация, функции организаций.

ROLE SYSTEM OF THE ETHNOPOLITICAL ORGANIZATIONS IN THE PROCESS OF THEIR INSTITUTIONALIZATION

S.D. Zhigulin
1-year Master
Faculty of Management and Psychology
Kuban State University

E.I. Lukin
4-year student
Faculty of Law
Kuban State University

ABSTRACT

In the present research work the ethno-political movements are described in terms of a comparison with non-governmental organizations and distinguishing special features of the first one. It must be noted that the values and ideals of the system form the basis for the creation of ethno-political organizations. Exist-

ence of the same functions such as identification and needs; representative; socialization and social integration combines these organizations.

Keywords: Ethno-political movements, ethno-political organization, a political process, role-playing system, institutionalization, functions of organizations.

Этнополитические движения представляются интересными тем, что выступают своеобразным «этнополитическим полигоном», где сталкиваются тенденции как к глобализации, так и к регионализации, противопоставление этничности и гражданственности. Сегодня есть основания говорить о некоем новом этапе развития этнополитических движений, а также новом качестве культурной эволюции тех народов, от лица которых данные движения выступают.

При анализе этнополитических процессов в региональном контексте и рассмотрении политической роли этнических элит, эффективным, на наш взгляд, представляется метод нешироких обобщений, основанный на комплексе формализованных данных, к которому зачастую прибегают в политологических исследованиях, а конкретно: политическое и историко-социологическое исследование этнополитических движений и национальных элит [4].

Важным аспектом деятельности этнополитических организаций и доминантой их идеологии являются попытки формирования своеобразной идентичности у этноса. Часто в своих программных целях этнополитические движения обозначают необходимость «воссоздания» старого порядка, с целью построения своей системы ценностей и отношений, построением «другого» мира. В зависимости от характера организаций, их идеологический спектр, так или иначе, трактует роль политической практики власти по отношению к этнонациональным движениям и этносу в целом таким образом, что противопоставляются или наоборот поддерживаются интересы власти по отношению к этнической общности.

Л.Н. Гумилев установил, что люди отдают всех себя служению какому-либо делу (оно может быть созидательным или разрушительным), руководствуясь не идеями, а идеалами, далекими прогнозами, часто даже ясно не осознанными, своим отношением к окружающему миру [2, с. 215]. Именно такие системы идеалов и прогнозов предоставляют социуму этнополитические организации, пытаясь выстроить упорядоченную в своем понимании социальную систему. Важным её аспектом выступает институционализация, являющая собой в какой-то степени превращение политических явлений или факторов в политически организованное учреждение, обладающее формализованным упорядоченным субъектом с определенной структурой отношений, выстроенной иерархией власти и другими свойственными политической организации признаками. Можно выделить несколько близких по смыслу определений «институционализации»: во-первых, «образование стабильных образцов социального взаимодействия,

основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах» [3], во-вторых, «правовое и организационное закрепление сложившихся в обществе форм поведения, отношений и т.д.» [1, с. 61], и в-третьих как образование того или иного института.

Таким образом, выше рассмотрено несколько подходов к понятию институционализации. Данное явление связано с появлением разного рода учреждений: как государственных, так и общественных организаций с построением системы законов и иных социальных норм. В свою очередь, институционализация делает возможным прогнозирование социального поведения в указанных социальных ролях. Она выступает, как правило, фактором стабильного роста социально-политической системы общества, а также существенной предпосылкой формирования эффективного государственно-правового управления в стране.

Далее следует пояснить, что этнополитические организации в отличие от зарегистрированных политических партий не претендуют на прямое участие в политической жизни государства. Такие организации не берут на себя обязательств за действия перед социумом, однако в своей деятельности оказывают влияние на принятие политических решений, могут принимать участие в решении общественных задач, вносить объективный вклад в состояние государственного, социокультурного, хозяйственного уклада страны.

Основными характерными чертами общественных этнополитических организаций являются следующие:

1) В зависимости от своего государственного статуса: имеют или не имеют канал властных отношений и могут выносить обязательные решения и требовать их выполнения.

2) В зависимости от характера: ставить цель овладения государственной властью, но их деятельность может приобретать политический характер.

3) Добровольность организации граждан, возникших по их инициативе (по крайней мере, в программной подаче).

Этнополитические объединения действуют на основе следующих принципов:

- добровольность участия граждан;
- сочетание личных и общественных интересов;
- самоуправление;
- программное равноправие участников;
- легитимность на основе социальной поддержки той или иной группы;
- гласность.

В зависимости от целей и характера такие организации могут не оформляться в государственных структурах, объединять под своей эгидой организации различной политической ориентации и носить временный или постоянный характер.

Среди наиболее активных этнополитических организаций можно выделить следующие категории:

Правозащитное движение, объединяющее организации, борющиеся против ущемлений прав личности, этнических меньшинств, малых народов и т.д. (организация Human Rights First, The International Solidarity Movement)

Молодежные движения, выступающие за права молодежи, активно участвует в борьбе за мир против войны, проводит акции в защиту окружающей среды и т.п. (Международное Молодежное правозащитное движение, Всероссийский межнациональный союз молодежи, Молодежный этнический совет и т.д.)

Особой категорией движения, в последнее время набирающие популярность – национальные движения. Участники таких движений выдвигают требования возрождения национальной культуры, языка, традиций и т.д. Кроме того, разделяют национальные движения на:

- движение неприсоединения;
- сепаратистские движения;
- движение против расовой и национальной дискриминации;
- движение за установление нового экономического порядка на территории проживания этнического меньшинства или этноса.

Общественные движения и организации в этнополитическом процессе выступают как своего рода группы интересов. Теория групп интересов или заинтересованных групп была разработана американскими политологами А. Бентли [6], Д. Трумэнном [7], и зачастую становится основой политологических исследований в западной политологии. Согласно А. Бентли, политика является процессом взаимодействия и борьбы организованных в определенные группы людей, с целью достижения своих стремлений и интересов. Группа интересов – это «добровольная организация, созданная для агрегации и артикуляции интересов состоящих либо поддерживающих её людей во взаимоотношениях как с другими группами и политическими институтами, так и внутри самой организации» [5].

Что касается функций этнополитических организаций, то можно выделить следующие общие параметры:

1) Выявление потребностей представителей этнической среды и их удовлетворение. В данном случае индивиды объединяются по признаку этнической принадлежности, социальных взглядах на роль этноса в текущем положении дел, индивидуальных склонностях, социокультурному признаку и т.п. Зачастую интерес в реализации таких потребностей выступает в эмоционально окрашенной форме.

2) Функция этнополитической мобилизации и социальной интеграции. Эта функция направлена на призыв объединения вокруг некой задачи или общественной проблемы, поиск вариантов решения или выход из сложившейся ситуации.

3) Функция социализации. Данная функция является своеобразным вытекающим элементом из функции упомянутой выше. Интегрируя представителей индивидов вокруг проблем, задач, острых вопросов, она способствует формированию определенной жизненной позиции, воспитания, привлечение интереса граждан к государственным делам и в той или иной степени повышению политической культуры.

4) Репрезентативная функция или функция представительства и защиты интересов членов своей группы во взаимоотношениях с иными политическими институтами. Организации берут на себя обязательства перед своими сторонниками в доведении их интересов и позиций до основной социальной массы, а так же других политических и государственных институтов.

Таким образом, можно полагать, что этнополитические движения в своей ролевой системе структурно от социальных и политических организаций особо не отличаются. Безусловно, в некоторых аспектах, а особенно в правовом и институциональном имеются специфические черты. Но все же, у этнополитических организаций своеобразная роль в формировании социальных настроений.

Список литературы

1. Бутенко И. А. Перспективы самоуправления и самоорганизации в России // Российские общественные науки – новая перспектива. – М. – 2010. С. 61.
2. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 336.
3. Маринин А. П. Институционализация // Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. Перераб. и доп. – М. – 2001. С. 209.
4. Чарина А.М. Роль этнического фактора в развитии политической элиты регионов России. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 111. 2009.
5. Чулюкова С.А. Общественные организации (объединения) и их роль в становлении. «Академия Естествознания», М., 2012.
6. Bently A. Process of Government. – N.-Y., 1908.
7. Truman D. The Governmental Process. – N.-Y., 1951.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД С 2002 ПО 2007 ГГ.

Гринёва Юлия Александровна

аспирантка

Факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова

г. Москва

С 2003 г. по 2007 г. французские власти (с 2002 г. Н. Саркози занимал пост министра внутренних дел, а в 2007 г. был избран президентом) предприняли ряд законов, которые охватывали различные направления иммиграционной политики, подразумевающие под собой как упорядочивание иммиграционных потоков, так и ужесточение мер по вопросам нелегальной миграции.

- В 1998 г. были приняты первые меры, включающие в себя закон о пребывании во Франции иностранцев и о праве на убежище, что позволило создать более гибкую законодательную базу. Расширялся круг тех, кто мог претендовать на статус беженца и предусматривалась возможность временного убежища.

- В декабре 2003 г. закон о праве на убежище был одобрен и ознаменовал новый этап в упорядочивании иммиграционных потоков. Важно отметить, что единственной организацией, занимающейся делами лиц, ищущих убежище, становилось Французское бюро защиты беженцев и апатридов. Таким образом, лица, ищущие убежище, должны были обращаться отныне только «в одно окно».

- Закон «Об управлении процессами иммиграции, о пребывании иностранцев во Франции и о национальности» от 26 ноября 2003 г., называемый законом Саркози, который предполагал комплексные преобразования в, так называемой, «семейной иммиграции». Была поставлена цель сократить возможности злоупотребления правом приезда в страну по линии воссоединения семей.

- 26 мая 2005 г. был создан межминистерский комитет контроля за иммиграцией, который представлял собой единое центральное управление по решению вопросов, связанных со всеми аспектами иммиграции. Данный комитет возглавлял Н. Саркози.

- 24 июля 2006 г. был одобрен закон об иммиграции и интеграции, который охватывал различные направления иммиграционной политики и продолжал развивать ранее взятый курс в области семейной иммиграции. Так, по закону от 26 ноября 2003 г. иностранец/иностранка, состоявший в браке с лицом французской национальности, мог претендовать на гражданство по истечении двух лет, то по закону 2006 г. этот срок увеличивался до четырех лет (или до пяти, если супруги проживали не во Франции, а за границей).

- Закон от 14 ноября 2006 г. о контроле за законностью браков, действие которого вступило в силу с 1 марта 2007 г., предусматривал более жесткие требования к лицам, заключающим брак за границей. Необходимо было получить сертификата о возможности заключения брака, который выдавали консульские службы Франции и которые должны были завести административное дело, изучить представленные документы, при необходимости встретиться с будущими супругами.

Вывод: в период второго срока президентства Ж. Ширака миграционная политика вышла на новый уровень в связи с обостряющимся миграционным вопросом. Действия Франции в области миграции в период с 2002 по 2007 гг. позволили создать крепкую политику для предотвращения миграционного кризиса и правительством были предприняты шаги, направленные на побуждение иммигрантов к интеграции, показывающие, что те, кто хочет жить во Франции, должны прилагать усилия, чтобы вписаться в существующие правила и нормы поведения.

Список литературы:

1. Décret du 26 mai 2005 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/TEXT1740/>
2. Loi du 10 décembre 2003 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/TEXT1789/>
3. Loi du 11 mai 1998 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/TEXT1302/>
4. Loi du 14 novembre 2006 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/TEXT5701/>
5. Loi du 24 juillet 2006 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/TEXT6495/>
6. Loi du 26 novembre 2003 // Legifrance [Офиц. сайт]. URL: <http://legifrance.gouv.fr/TEXT5635/>
7. Simon P. Les revirements de la politique d'immigration en France // Academia [Офиц. сайт]. URL: <http://www.academia.edu/3737/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

КЛАСТЕРНЫЙ МЕТОД ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА «СВЕТОТЕХНИКА И ИСТОЧНИКИ СВЕТА» НАПРАВЛЕНИЯ 11.03.04 ЭЛЕКТРОНИКА И НАНОЭЛЕКТРОНИКА

Лещёва О.А.

доцент

Наследников Ю.М.

кандидат физ.-мат. наук, профессор

Холодова О.М.

доцент

Донской Государственный Технический Университет

г. Ростов-на-Дону

CLASTERICAL METHOD INTELLECTUALITY SPHERE OF CULTURE ON THE BASIS OF PROGRAMME OF BACHELORS “LIGHTING TECHNICS AND SPRING” DIRECTION 11.03.04 ELECTRONICS AND NANOELECTRONICS

Leshcheva O.A.

Naslednikov Y.M.

Kholodova O.M.

Don State Technical University

Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции программы бакалавриата «Светотехника и источники света» направления 11.03.04 Электроника и наноэлектроника в качестве кластеров моделирования интеллектуальной сферы культуры. Подчеркивается особая роль технологического императива как в программе бакалавриата, так и в кластерной модели интеллектуальной сферы культуры.

ABSTRACT

The article discusses the General cultural, General professional and professional competences of the bachelor program "light and Lighting" direction 11.03.04 electronics and nanoelectronics as a cluster of modeling of intellectual culture. Emphasizes the role of technological imperative as in the undergraduate program and in the cluster model of intellectual culture.

Ключевые слова: общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции (ОК, ОПК и ПК), кластерный метод исследования, программа бакалавриата «Светотехника и источники света», интеллектуальная сфера культуры, технологический императив.

Keywords: general cultural, general professional and professional competences (OK, MIC and PC), clustered method of research, the undergraduate program "light and Lighting", of the intellectual culture and the technological imperative.

Кластерный метод исследования является по сути дела выборочным методом современной экспериментальной науки, который понимается как совокупность логических и математических процедур, моделирующих исходный объект исследования и адекватно отражающий его основные качества с помощью многократно уменьшенной копии [7, с. 118-160]. С логической точки зрения в рамках текстового анализа под кластером можно понимать выделение смысловых единиц текста, например, программы бакалавриата, и графическое или табличное оформление в определенном порядке. В рамках компетентностного подхода к образованию в качестве кластеров можно выделять компетенции, которые являются смысловыми единицами стратификации генеральной совокупности всех возможных элементов, которые способны выразить и содержание государственного стандарта.

В данной работе программные кластеры мы центрируем на заданные ФГОС 3+ компетенции: Уровень высшего образования: БАКАЛАВРИАТ; направление подготовки 11.03.04 Электроника и наноэлектроника [9] и соответствующие им дисциплины профиля «Светотехника и источники света» [6]. При этом используется структура интеллектуальной сферы культуры, рассмотренная нами в работах [4, с. 3-7] и [5, с. 90-95] и приведенная в схеме 1.

Схема 1. Структура интеллектуальной сферы культуры.

В работе [5, с. 90-95] мы отмечаем особую роль корпоративной социальной ответственности образовательных учреждений за формирование эколого-социально-экономической синергетики интеллектуальной сферы

культуры. В этом плане приобретает интерес кластерно-компетентностный метод моделирования структуры интеллектуальной сферы культуры на основе педагогического объекта – программы бакалавриата «Светотехника и источники света» направления 11.03.04 Электроника и нанoeлектроника (см. схему 2).

Схема 2. Кластерная модель интеллектуальной сферы культуры на основе моделирования программы бакалавриата «Светотехника и источники света» направления 11.03.04 Электроника и нанoeлектроника.

Гуманитарная культура	
Формируемые кластеры - компетенции Должен обладать:	Дисциплины и их кредитная ве- сомость
способностью...формирования мировоз- зренческой позиции(ОК-1); способностью...формирования граждан- ский позиции(ОК-2); способностью использовать основы пра- вовых знаний в различных сферах дея- тельности(ОК-4); способностью работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные и культурные различия(ОК-6); способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и ино- странном языках для решения задач межличностного и межкультурного вза- имодействия (ОК-5); способностью использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности (ОК-8).	Философия (4з.е.); Основы православной культуры (2з.е.); Основы нравственности (2з.е.); Духовно-нравственные основы мировых религий (2з.е.); История (3з.е.); Культурология (по выбору: Ис- тория науки и техники, социоло- логия и политология)(2з.е.); Правовое обеспечение профес- сиональной деятельности (3з.е.); Психология личности и группы (2з.е.); Иностранный язык (4з.е.); Иностранный язык в професси- ональной деятельности (4з.е.); Презентация проектов на ино- странном языке (2з.е.); Культура устной и письменной речи (2з.е.); Физическая культура (2з.е.).
Итого: 6 кластеров – компетенций Кредитная весомость кластера -5,7з.е.	Кредитная весомость – -34з.е.
Социально-экономическая культура	
Формируемые кластеры - компетенции Должен обладать:	Дисциплины и их кредитная ве- сомость
способностью использовать основы эконо- мических знаний при оценке эффек- тивности результатов в различных сферах (ОК-3); способностью проводить предваритель-	Экономическая теория (3з.е.); Управление проектами (2з.е.); (по выбору – Социология и По- литология, или их анализ в Культурологии) (1з.е.).

ное технико-экономическое обоснование проектов (ПК-4).	
Итого: 2 кластера – компетенции Кредитная весомость кластера – 3з.е.	Кредитная весомость – 6з.е.
Естественнонаучная культура	
Формируемые кластеры - компетенции Должен обладать:	Дисциплины и их кредитная весомость
способностью представлять адекватную современному уровню знаний научную картину мира на основе знания основных положений, законов и методов естественных наук и математики (ОПК-1); Способностью выявлять естественнонаучную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, привлекать для их решения соответствующий физико-математический аппарат (ОПК-2); Способностью использовать приемы первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуациях (ОК-9).	Математика (14з.е.); Физика (16з.е.); Химия (4з.е.); Физика конденсированного состояния элементов квантовой механики (5з.е.); Специальные главы математики (3з.е.); Физические основы электроники и наноэлектроники (4з.е.); Безопасность жизнедеятельности (3з.е.); Экология (3з.е.); Физиологическая оптика (по выбору: Система оценки цвета и ощущений) (3з.е.).
Итого: 3 кластера-компетенции Кредитная весомость кластера – 18,3з.е.	Кредитная весомость 55з.е.
Технологическая культура	
Формируемые кластеры - компетенции Должен обладать:	Дисциплины и их кредитная весомость
способностью решать задачи анализа и расчета электрических цепей (ОПК-3); готовностью применять современные средства выполнения и редактирования изображений и чертежей и подготовки конструкторско-технологической документации (ОПК-4); способностью использовать основные приемы обработки и представления экспериментальных данных (ОПК-5); способность строить простейшие физические и математические модели приборов, схем, устройств и установок электроники и наноэлектроники различного функционального назначения, а так	Теоретические основы электротехники (12з.е.); Материалы электронной техники (5з.е.); Элементная база аналоговой электроники (5з.е.); Основы технологии электронной компонентной базы (4з.е.); Основы светотехники (6з.е.); Основы проектирования электронной компонентной базы (7з.е.); Полупроводниковая схемотехника (5з.е.); Метрология стандартизация и

<p>же использовать стандартные программные средства их компьютерного моделирования (ПК-1);</p> <p>способностью аргументированно выбрать и реализовать на практике эффективную методику экспериментального исследования параметров и характеристик приборов, схем, устройств и установок электроники и наноэлектроники различного функционального назначения (ПК-2);</p> <p>готовностью выполнять расчет и проектирование электронных приборов, схем и устройств различного функционального назначения в соответствии с техническим заданием с использованием средств автоматизации проектирования (ПК-5);</p> <p>способностью разрабатывать проектную и техническую документацию, оформлять законченные проектно-конструкторские работы (ПК-6);</p> <p>готовностью осуществлять контроль соответствия разрабатываемых проектов и технической документации стандартам, техническим условиям и другим нормативным документам (ПК-7);</p> <p>готовностью анализировать и систематизировать результаты исследований, представлять материалы в виде научных отчетов, публикаций, презентаций (ПК-3);</p> <p>способностью учитывать современные тенденции развития электроники, измерительной и вычислительной техники, информационных технологий в своей профессиональной деятельности (ОПК-7);</p> <p>готовностью пользоваться основными методами защиты производственного персонала от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий (ОПК-10).</p>	<p>спецификация (4з.е.);</p> <p>Математические методы в светотехнике (по выбору: Основы САПР в светотехнике) (4з.е.);</p> <p>Квантовая и оптическая электроника, Основы голографии (по выбору: Вакуумная и плазменная электроника (4з.е.);</p> <p>Приемники излучения и фотоприемные устройства (4з.е.);</p> <p>Фотометрия (5з.е.);</p> <p>Источники оптического излучения (8з.е.);</p> <p>Световые приборы, расчет и конструирование (5з.е.);</p> <p>Архитектурный светодизайн (4з.е.);</p> <p>Моделирование и методы расчета цветоцветовой среды (по выбору: Цветовые измерения и пирометрия) (3з.е.);</p> <p>Приборы и установки наружного освещения (по выбору: Технология материалов для плазменных и полупроводниковых источников) (4з.е.);</p> <p>Осветительные установки, математическое моделирование (5з.е.);</p> <p>Световая реклама (по выбору: Психология цветовосприятия) (4з.е.);</p> <p>Энергосберегающие технологии в светотехнике (по выбору: Логически программируемые контроллеры в освещении) (4з.е.).</p>
<p>Итого: 11 кластеров – компетенций</p>	<p>Кредитная весомость – 102 з.е.</p>

Кредитная весомость кластера – 9,3 з.е.	
Информационно – коммуникативная культура	
Формируемые кластеры – компетенции Должен обладать:	Дисциплины и их кредитная весомость
способностью осуществлять поиск, хранение, обработку и анализ информации из различных источников баз данных, представлять ее в требуемом формате с использованием информационных, компьютерных и сетевых технологий (ОПК-6); способностью использовать навыки работы с компьютером, владеть методами информационных технологий, соблюдать требования информационной безопасности (ОПК-9); способность использовать нормативные документы в своей деятельности (ОПК-8).	Информатика и информационно-коммуникационные технологии (7з.е.); Инженерная и компьютерная графика (7з.е.); Физические основы получения информации (6з.е.); ПРА и системы управления освещением (по выбору: Компьютерное моделирование систем управления освещением) (5з.е.).
Итого: 3 кластера – компетенции Кредитная весомость кластера – 8,3 з.е.	Кредитная весомость – 25 з.е.
Информационно – коммуникативная культура кооперативно взаимодействует с другими сегментами интеллектуальной сферы и включает в себя целый ряд компетенций – кластеров из других компонентов культуры. Например, ОК-5, ОК-6, ОК-3, ОК-9, ОПК-2, ОПК-7, ПК-1, ПК-3, ПК-5, ПК-7.	
Предметно – практическая культура	
Формируемые кластеры - компетенции Должен обладать:	Практики
способностью к самоорганизации и самообразованию (ОК-7), формируемой на основе всех отмеченных выше компетенций.	Учебная практика (6 з.е.); Производственная практика (3 з.е.); Преддипломная практика (6 з.е.).
Итого: кредитная весомость – 18 з.е.	
Государственная итоговая аттестация (9 з.е.)	
Итого: Кредитная весомость бакалавриата – 246 з.е.; 26 кластеров – компетенций; Кредитная весомость кластера – 9,5 з.е.	

Анализ кластерной модели моделирования программы бакалавриата «Светотехника и источники света» в контексте основных сегментов интеллектуальной сферы культуры показывает, что все сегменты культуры нашли отражение в программе. Важно осознавать, что за всеми этими по-

знавательными и социокультурными проблемами, находящимися отражение в компетенциях – кластерах, стоит человек в единстве его интеллекта, нравственного и гражданского развития. Интеллектуальная (лат. *Intellectualis* - умственный) культура это, с одной стороны, способность к непрерывному образованию и развитию, длящемуся всю сознательную жизнь человека, а с другой стороны способность к "рациональности в действии" [8, с.16-193], в том числе и в сформированности универсальных учебных действий. В кластерной модели компетенций программы бакалавриата «Светотехника и источники света» явно находит отражение и эколого – социально – экономическая синергетика интеллектуальной сферы культуры, хотя кредитную весомость социально-экономической культуры можно было увеличить за счет вариативных дисциплин: социологии и политологии.

В то же время, как показано нами в работе [3,с.83-86] наблюдается в кластерной модели конвергенция (схождения в рамках взаимодействия) ОК-, ППК- и ПК- компетенций, что усиливает общекультурную компетентность бакалавров направления подготовки 11.03.04 Электроника и наноэлектроника за счет преодоления проблемы «двух культур» на основе единства наук, которое определяется в конечном итоге материальным единством мира. При этом видно, что кредитная весомость гуманитарной и естественнонаучной культур сравнимы, хотя кредитная весомость соответствующих кластеров – компетенций естественнонаучной культуры выше, что обусловлено современной математизацией знаний, а так же лабораторной базой естественных наук. В естественнонаучную культуру мы включили и экологию, как науку о ценности природы, а так же тесно с ней связанную безопасность жизнедеятельности.

Особое значение в современных подходах к реиндустриализации экономики приобретает технологический императив экономики, науки и образования. Как показал С.А Махов [2,с.133-152] в феноменологической математической модели индустриальной и постиндустриальной стадий развития мира: «Устойчивое развитие с позиции технологического императива» развитие без падения уровня жизни возможно и в отсутствии достаточно мощного притока ресурсов в моделируемую систему извне, т.е. только за счет создания и развития материальных технологий. В реальности материальные технологии, приобретающие объективность и возможность измерения в классической стратегии научного мышления за счет физического пространства и времени, связаны с управляющими технологиями, которые являясь гуманитарными, действуют в пространстве информационных объектов и, следовательно, носят субъективный характер (поэтому прямое их измерение довольно затруднительно, если вообще возможно). Основное свойство данных видов технологий заключается в том, что они в неклассической стратегии научного мышления должны быть согласованы. Другими словами, особое значение в преодолении несогласования техносферы и инфосферы приобретает "корпоративное

гражданство" всех сегментов интеллектуальной сферы культуры в общенаучном бакалавриате и необходимость развития их человеческого капитала в магистратуре высшего образования. При этом роль менеджмента в сфере образования принадлежит гуманитарной, социально-экономической и информационно-коммуникативной культурам, а задающими стратегическое устойчивое развитие являются естественнонаучная и технологическая культуры.

В заключении, хотелось подвести научно-педагогический итог кластерного моделирования программы бакалавриата «Светотехника и источники света», которое явно демонстрирует готовность бакалавров ко всем видам профессиональной деятельности в магистратуре по направлению подготовки 11.04.04 Электроника и наноэлектроника: научно – исследовательская, проектно – конструкторская, проектно – технологическая, организационно – управленческая и научно – педагогическая деятельности.

Выбор профессиональной деятельности по профилю магистратуры «Теоретическая и прикладная светотехника» задается региональной программой энергосберегающих технологий в светотехнике и научно – исследовательской и научно – педагогической профессиональной деятельностью научно-педагогического персонала и сотрудников кафедры «Физика» ДГТУ. На данном этапе, исходя из кластерной модели программы бакалавриата и профессиональной деятельности корпоративных предприятий – мест производственных практик, мы в качестве базовых видов профессиональной деятельности в магистратуре выбрали научно-педагогическую и проектно - конструкторскую деятельности во взаимодействии с научно-исследовательской работой кафедры и корпоративных предприятий и кафедр. Особое значение приобретает повышение уровня практических занятий за счет создания современной лабораторной базы кафедры и использования современного оборудования корпоративных предприятий [1, с.49-53].

Список использованной литературы

1. Каблов Е.Н. На перекрестке науки, образования и промышленности.//Эксперт.№15,2015,с.49-53.
2. Махов С.А. Устойчивое развитие с позиций технологического императива//Синергетика. Будущее мира и России. Под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: Издательство ЛКИ, 2008, с. 133-152.
3. Наследников Ю.М., Лещёва О.А., Холодова О.М., Наследникова Г.Б. Общекультурная компетентность бакалавров в контексте проблемы «двух культур» в науке и образовании//Сборник статей международной исследовательской организации «Cognitio» по материалам XIV международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы науки XXI века» 1 часть, г. Москва (30.09.2016) – М.: «Cognitio», 2016, с.83-87.

4. Наследников Ю.М., Наследникова Г.Б., Шполянский А.Я. Эколого-социальная синергетика интеллектуальной культуры в общенаучном сегменте сферы образования//Научная мысль Кавказа, 2009,с. 3-7.

5. Наследникова Г.Б., Наследников Ю.М., Шполянский А.Я. Эколого-социально-экономическая синергетика интеллектуальной сферы культуры в контексте корпоративной социальной ответственности образовательных учреждений// Материалы 9-ой международной научно - практической конференции «Научная мысль информационного века – 2013» Том 10. Право. Политология. Философия. Пржемысл. Наука и студия, с. 90-95.

6. Основная профессиональная образовательная программа бакалавриата по направлению подготовки 11.03.04 Электроника и нанoeлектроника, профиль «Светотехника и источники света» - Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2016.

7. Сафонцева Н.Ю. Кластерный метод проектирования педагогических объектов. – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 2006 – 240с.

8. Сёрль Дж. Рациональность в действии. Пер. с англ. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336.

9. ФГОС ВО: Уровень высшего образования: БАКАЛАВРИАТ, Направление подготовки 11.03.04 Электроника и нанoeлектроника. V ТРЕБОВАНИЯ К РЕЗУЛЬТАТАМ УСВОЕНИЯ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА – М: МИНОБРНАУКИ РФ, 2015.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЮРИСТА

Наумова Евгения Валерьевна

*Старший преподаватель кафедры конституционного и
муниципального права Стерлитамакского филиала Башкирского
Государственного университета в Республике Башкортостан
в городе Стерлитамак*

Социально-политические изменения, происходящие в двадцать первом веке отражаются в преобразовании правового поля Российской Федерации, как внутри страны, так и на внешнем уровне. Нормы современного международного права существенно влияют на внутреннее право государств. Российская правовая система в этот временной период совершенствования применяется с учетом международно-правовых норм. С сентября по ноябрь 2013 года было принято более четырнадцати актов, относящихся к международным отношениям РФ.

В данных условиях, эффективность нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной, экспертно-консультационной, педагогической деятельности во многом зависят от состояния профессиональной

группы бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» [6, с. 15].

Проблема качества бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» активно обсуждается на правительственном уровне. В апреле 2009 году Д.А. Медведев на встрече с членами президиума Ассоциации юристов России заявил о необходимости повышения качества подготовки юристов [1, с. 25], в мае этого же года был принят Указ «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в России», предусматривающий повышение качества высшего образования в учреждениях, готовящих юристов [2]. В 2010 году была создана Межведомственная комиссия по вопросам повышения качества высшего юридического образования [3, с. 30].

Вопросами качества профессиональной подготовки бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» обеспокоены многие работодатели, несущие ответственность за последствия осуществления профессиональной деятельности. Это подтверждается результатами опросов в г. Уфа, г. Стерлитамак, г. Салават, г. Ишимбай. Работодатели заинтересованы в бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция», обладающими знаниями в смежных правовых областях, профессиональными умениями и владениями в области решения практических задач. Из сказанного можно сделать вывод, что стоит актуальная задача – научно обосновать и определить педагогические условия, способствующие формированию у бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» умений и навыков применять полученные в процессе обучения в вузе знания в различных сферах профессиональной (правовой) деятельности.

Одним из таких условий является реализация модели формирования профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», представляющая собой совокупность методического, организационного, целевого и результирующего компонентов и предполагающая поэтапную дифференциацию методов и приёмов формирования профессиональных компетенций бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», а также варьирование форм обучения [7].

Являясь методической основой модели, современные методы обучения, такие как словесный, наглядный, практический, репродуктивный, проблемно-поисковый методы, метод самостоятельной работы и работы под руководством преподавателя, методы стимулирования и мотивации интереса к обучению, методы стимулирования и мотивации долга и ответственности в обучении, методы контроля и самоконтроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности: методы устного и письменного контроля и самоконтроля, практического контроля и самоконтроля способствуют наиболее эффективному формированию профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

Таким образом, повышение качества профессиональной подготовки бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» в высших

учебных заведениях связано с решением актуальной проблемы: научным обоснованием и определением педагогических условий, обеспечивающих формирования профессиональной компетентности бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция»

Формирование и развитие профессионально важных личностных качеств и профессиональных компетенций юриста раскрыто в трудах Т.И.Анисимовой, И.Г. Дровниковой, Е.Г. Гончаровой, Н.В. Судденковой, А.Л. Теимуразяна [4, с. 29]. Однако проблема формирования профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» изучена недостаточно.

Вместе с тем проблема формирования профессиональной компетентности будущего бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» разработана недостаточно. Требуют дальнейших исследований педагогические условия, обеспечивающие успешность данного процесса [5, с. 3].

На основе изучения теории и практики проблемы исследования, нами были выделены следующие противоречия: между динамично изменяющимся правовым полем в юридической практике и недостаточно высоким уровнем подготовки бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» в условиях глобализации и развития всесторонних производственных отношений; между требованиями к бакалаврам по направлению подготовки «Юриспруденция», способными осуществлять профессиональную деятельность в многогранном спектре юридической практики, и несоответствующим этим требованиям уровнем сформированности профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

Таким образом, отсюда вытекает проблема исследования: каковы педагогические условия, обеспечивающие формирование профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

Основным принципом, с учетом которого осуществляется обучение бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция» и формирование у них профессиональной компетентности, выступает принцип межпредметной дифференциации и систематизации, предполагающий упорядоченное влияние каждого значимого тематического элемента изучаемых тесно взаимосвязанных и взаимопроникающих дисциплин на структурные компоненты профессиональной компетентности бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция».

Список литературы

1. Абдулаев Э.Н. Школьные учебники истории как инструмент гражданской социализации: зарубежный опыт. Текст.//Преподавание истории в школе.-2009.-№4.-С. 25.

2. Абдулатипов Р.Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. Текст. М.: Научная книга,2005. -472с. ISBN 5-94935-059-6.

3. Бадаян И.А. Колледж поликультурного образования // Стандарты и мониторинг в образовании. - 2001. - №6. - С.30.
4. Бадманов В.Н., Сокальский А.А. Материалы для создания концепции поликультурного образования в школе. Текст. // Практика административной работы в школе. - 2004. - №1. С.29.
5. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения. Текст. // Этнографическое обозрение. - 1998. - №4. - С.3.
6. Гериш Т.В., Самойленко П.И. Компетентностный подход как основа модернизации профессионального образования. Текст. // Стандарты и мониторинг образования. - 2006. - №2. - С. 15.
7. Гершунский Б.С. Образовательно-педагогическая прогностика: теория, методология, практика: учебное пособие. Текст. - М.: Флинта, Наука, 2003. - 768с. ISBN 5-89349-578-0.

ФИЛОЛОГИЯ

XIX ҒАСЫР ӘДЕБИЕТІН ОҚИТУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Бекбосынов Асқар Маратұлы

педагогика ғылымдарының магистрі, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің тәрбие басқармасының қызметкері, 050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 13

SOME ASPECTS OF TEACHING LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Askar Bekbossynov

master of pedagogical Sciences, employee of Department of educational work of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai, 050010, Republic of Kazakhstan, Almaty Dostyk avenue, 13

АНДАТПА

Бұл ғылыми мақалада қазақ әдебиетін оқыту процесі кезеңдерге бөлініп көрсетілген. Қазақ әдебиетінің сан ғасырлық тарихына шолу жасалып, қалыптасу жолы айқындалған. Атап айтар болсақ ежелгі дәуір әдебиеті, қазақ хандығы тұсындағы жыраулар поэзиясы, XIX ғасырдағы қазақ әдебиетіндегі азаттық танымдар, 20 ғасырдың басындағы демократияшыл әдебиет, кезестік кезеңдегі қазақ әдебиеті.

ABSTRACT

The article describes the periods of development of Kazakh literature. An overview of the long history of Kazakh literature, ways of formation. The article describes five periods of formation of the Kazakh literature. Turkic period and the influence of Eastern culture, poetry poets-improvisators in the Kazakh khanate, Kazakh literature of the 19th century, literature of the democratic wing in the early 20th century and Kazakh literature of the Soviet period.

Түйін сөздер: әдебиет, сөз өнері, әдебиеттану, жырау, оқулық, әдеби жанр, азаттық, шығармашылық, поэзия.

Keywords: literature, art, poet, improviser, textbook, literary genre, freedom, creativity, poetry.

Әдебиет – адам ақылына қозғау салып, қиялына қанат бітіріп, ізгі іс-әрекеттерге жетелер өнер түрі. Сондықтан, сөз өнері өткен тарихтың, бүгінгі заман шындығының көркем бейнесі ғана емес, оқу мен тәрбиенің де ең басты құралы.

Әдебиет пәні – әдебиеттану ғылымының әдебиет теориясы, әдебиеттің тарихы, әдебиет сыны салаларын оқып, игеруде оқу нысаны болса, «Тәңірінің берген өнері» көркем сөздің адам баласына гуманистік,

танымдық, тағылымдық, эмоционалды және гедонистикалық әсері жағынан өнер туындысы.

Жалпы қазақ әдебиеті тарихын дәуірлеу және оны оқытуда әдебиет тарихының бастау көздері, әдеби дәуірлерді іштей кезеңдерге бөлу, көркем туындыларды бағыт, ағымдарға жіктеу, шығармаларды тегі мен түрі, жанрына қарай классификациялау, оқулықтар мен оқу құралдарының ғылыми-әдістемелік құрылымы мен жүйесін қалыптастыру сынды әдебиет тарихын оқытуға қатысты мәселелерде түрлі көзқарастар мен концепциялардың болғаны аян. Қазіргі уақытта көп жылғы ғылыми талдау мен талқылау, педагогикалық тәжірибеде сыннан өтіп, оқушыларға адамзаттық құндылықтарды игерту, рухани тәуелсіздік рухын нығайту бағытындағы қазақ әдебиеті тарихының жүйеленген дәуірлік кезеңдері айқындалған. Сөйтіп, әдебиеттану ғылымының бір саласы әдебиет тарихы бүгінде бес дәуірге бөлініп оқытылады. Олар:

1. Ежелгі дәуір әдебиеті (Бұл дәуір әдебиетінің көркем мұралары түрік текті халықтар әдебиетінің көпшілігіне ортақ әдеби жәдігерлер болғандықтан, оны шартты түрде түрік халықтарына ортақ әдебиет дейміз. Шындығында бұл біржақты пікір. Тарих ғылымында «қазақ» сөзінің, «қазақ хандығы» атауының тарихи аренаға шығуын XV ғасырдан бастау қалыптасып, сол негізде айтылып жүр. Ал Абайдың «Бірі сөз қазақтың түбі қайдан шыққандығы туралы» тарихи сөзінде Сібірден Алатау бөктеріне келіп, мекендеген халықты Құтайба ибн Мүсілімнің (660-715) араб жерінен Орта Азияға көп әскермен дін исламды халыққа енгізгенде қазақты көріп «Хибаи» (киіз шатырмен жүруші), «Хұзағи» (көшпелі) деп, көшкен елді қайтқан қазға ұқсатып, содан бұлар өзін «қазақ» деп атап кетіпті, бұрын «ұлыс» дейді екен деген. Данышпанның өз қолымен жазған бұл тарихи сөзінде: «Сонымен бұлар өзін өзі де, өзге жұрттар да қазақ атап кетіпті, бұрын өздерін «ұлыс» дейді екен» – деп айтқан. Содан соң арабтардың бұл өлкедегі (Тұран өлкесіндегі) жер-су, халық, шаһарлардың Бұхардан басқасының бәрінің атын өзгерткенін, қазақ осы кезден (яки VIII ғасырдан) «қазақ» аталғанын, ал бұрын «ұлыс» атауын иеленгенін, ол сөздің «Ұлыстың ұлы күні» жазғытұрым мейрамында ғана сақталғанын жазған. Оған қоса осы дәуір өкілдері мен жәдігерлерін тікелей қазақ әдебиетімен байланысты зерттеген еңбектер мен деректер де мол. Сондықтан, бұл дәуір әдебиетін қазақ әдебиетінің қайнар бастаулары деп атаса, орынды болар еді).

2. Хандық дәуірдегі қазақ әдебиеті (XV-XVIII ғасырларды қамтитын хандық дәуірдегі қазақ әдебиетінің негізгі әдеби мұралары – толғаулар да, оны тудырушы сөз зергерлері – жыраулар. Сол себепті бұл дәуірдің әдеби үлгілері жыраулар поэзиясы деп те аталады).

3. XIX ғасырдағы қазақ әдебиеті (Ғасыр әдебиеті тарихындағы сөз зергерлері шығармашылықтарының басты әдеби бағыты отарлық езгіге қарсы туған азаттық танымдарын бейнелейтіндіктен, кейінгі зерттеу

еңбектер мен оқулықтарда бұл дәуір әдебиетін отарлық дәуірдегі әдебиет ретінде бағалау басым).

4. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті (Әдебиет тарихында үлгі-өрнектері болғанмен, Абайдан бастап әдебиеттің халықтық, көркемдік-эстетикалық, қоғамдық-әлеуметтік, мазмұндық-идеялық күш қуатын отарлық езгі дәуірлерінде ұлттық құндылықтарды сақтап қалуға, әлем әдебиеті мен мәдениетінің озық үлгілерін, ғылым, білімнің жетістіктерін ұлт жадына сіңіруге, бір сөзбен айтқанда, сөз өнерін ағартушылық бағытта өрістеткен кезең әдебиеті болғандықтан, 1900-1920 жылдарды қамтитын бұл кезеңдегі әдебиетті ояну дәуіріндегі әдебиет ретінде де танимыз).

5. XX ғасырдағы әдебиет (Бұл дәуір әдебиеті 1920 жылдан 2000-шы жылдар арасындағы әдебиетті, негізінен, кеңес дәуіріндегі қазақ әдебиеті тарихын оқытуға арналған).

Аталған дәуірлер әдебиетінің тарихы бір-бірімен өзара сабақтас, сондай-ақ әр дәуір әдебиеті іштей кезеңдерге бөлініп, әдеби бағыт, ағымдары, жанрлары мен түрлері, көркемдік дамуы мен поэтикалық өрнектері ғылыми негізде жүйеленіп оқытылады. Әдеби мұраларды жинау, зерттеу, жүйелеу, оқыту мәселелері қолға алынған Кеңес өкіметі кезеңінде әдебиет тарихы, оның өкілдерінің шығармашылықтарын оқытуда негізінен саяси баға, идеологиялық, мазмұндық талдау басым болса, қазіргі тәуелсіз әдебиеттану ғылымында әдебиеттің көркемдік сипаттары, әдеби үлгі, өрнектері сынды идеологияға емес, көркем туындылардың табиғи өзегі көркемөнерлік табиғатына баса назар аударылуда. [1, б. 11 – 32]

Әдебиет пәнінде шығармалардың сыр-сипаты, болмыс-бітімі, эстетикалық, экспрессивті-эмоционалдық, көркемдік критерилері, сол шығарма авторларының нәр алған рухани бастаулары, әдеби дәстүр мен шығармашылық жаңашылдық, халықтар арасындағы әдеби-мәдени байланыс сынды әдебиеттану ғылымына қатысты мәселелер қарастырылады. Ал бұл жайлар жүйелі түрде халық тарихы мен көркемөнердің даму жолына сай, жоғары оқу орындарының филология факультеттерінің екінші курсына жеке міндетті пән ретінде оқылатын XIX ғасырдағы қазақ әдебиетінің тарихы, оның өкілдерінің шығармашылықтарын терең меңгеруде қолдана білулерін талап етеді.

XIX ғасырдағы қазақ әдебиеті отарлық езгіге қарсы азаттық танымдарын көтерген, жыраулық дәстүрден ақындық поэзияға, ауыз әдебиетінен жазба әдебиетке ауысқан, әдеби жанрлар мен олардың түрлері молайған, Шығыс, орыс, сол арқылы Батыс әдебиетімен көркемдік байланысқа түскен, жана жазба әдебиет дүниеге келген дәуір әдебиеті болды. Осындай сан-салалы әдебиет тектерінің айшықтары дүниеге келген XIX ғасыр әдебиетін оның басты белгісі отарлық езгіге қарсы туған азаттық бағыты аясында ала отырып, патша өкіметінің жоспарлы да жүйелі түрде жүргізген саясаты ізімен хронологиялық ретте 3 кезеңге бөліп қарастырамыз. Олар:

1. Батыс өңірінің отарлануы және оған қарсы туған ұлт азаттық күрес жырлары.

2. Сарыарқаның бодандық бұғауға түсу тарихы және әдебиеттегі тәуелсіздік танымдарының әдеби ағым, бағыттардағы өлең, жыр, айтыс, қисса, дастан, поэма, проза, публицистика түріндегі сөз айшықтарында бейнеленуі.

3. Жетісу өңіріндегі Қоқан хандығы мен патша өкіметінің отарлау саясаты және оған қарсы туған әдеби сөз өрнектері. [2, б. 156 – 205]

Дәуір әдебиетін отарлық езгіге қарсы күрес бағытына орай осындай кезеңдерге бөлу, әдебиет тарихын зерттеген Х.Досмұхамедұлы, М.Әуезов, С.Сейфуллин, С.Мұқанов, т.б. ғалымдардың ХХ ғасыр басында жасаған тұжырымдары мен кейінгі оқулық, зерттеу еңбектеріндегі ХІХ ғасыр әдебиетінің кезеңдерін жіктеген ғылыми принциптеріне жатырқамай, қайшылықсыз өзара үндеседі. Оған қоса, сөз өнерін тарихилық принцип негізінде қарастырудың мәні – әдебиеттің халық өмірінің, мәдениеті мен дүниетанымының, ұлттың рухани мұралары мен құндылықтарының көркем бейнесі, ізі болғандықтан, адамзат тарихының даму процесіндегі жеке субъект ретінде де қазақ сөз өнерінің дүниежүзілік әдебиет, мәдениет, руханият қазынасына қосқан өзіндік үлесін тану үшін де маңызды екені айқын. Бұл дәуір әдебиетінің әдебиеттану ғылымында үздіксіз зерттеу нысанына алынып келе жатуы да содан.

Сондықтан, ХІХ ғасыр әдебиетінің тарихы мынадай сөз үлгілеріне жіктеліп, сол үлгідегі әдебиет өкілдерінің шығармашылықтары жеке тақырыптарға бөлініп оқытылғаны орынды:

1. Бостандық рухындағы ұлт азаттығын жырлаған поэзия (тарихи жырлар, Махамбет Өтемісұлы, Шернияз Жарылғасұлы, Алмажан Азаматқызы, т.б.)

2. «Зар заман» әдебиеті (Дулат Бабатайұлы, Шортанбай Қанайұлы, Мұрат Мөңкеұлы, Әбубәкір Кердері, Нарманбет Орманбетұлы, т.б.).

3. ХІХ ғасырдағы қисса-дастандар (Шәді Жәңгірұлы, Мәулекей Жұмашев, Жүсіпбек Шайхұсламұлы, Мәшһүр Жүсіп Көпеев, Мақыш Қалтаев, т.б.).

4. Қазақ поэзиясындағы айтыс өнері (Шөже Қаржаубайұлы, Сүйінбай Аронұлы, Кемпірбай Бөгенбайұлы, «Біржан – Сара айтысы», т.б.).

5. Сал-серілер мен әнші-ақындар поэзиясы (Сегіз сері Баһрамұлы, Біржан сал Қожағұлұлы, Ақан сері Қорамсаұлы, Мәди Бәпиұлы, Иманжүсіп Құтпанұлы, т.б.).

6. Жаңа жазба әдебиет (Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай, Абайдың ақын шәкірттері). [3, б. 22 – 30]

Ендеше, әдебиет тарихын меңгертудің оқу-тәрбиелік ұстанымы мен әдеби-ғылыми концепциясы – ХІХ ғасырдағы қазақ әдебиетінің елдік, ұлттық рухы отарлық езгіге қарсы туған азаттық, тәуелсіздік, рухани жаңғыру бағытында дамыған тұтас дәуір әдебиетіне арналғандықтан, қазіргі тәуелсіз ел ұрпағын ұлтжандылыққа, әдеби мұралардағы гуманистік

ой-танымдар негізінде әділетсіздікке, озбырлыққа, ымырасыздыққа қарсы адамдық құндылықтарды қастерлеуге баулу.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақ әдебиеттану ғылымының тарихы. Екі томдық. 1-том. // Алматы. ҚазАқпарат. – 2008. – №1. – Б. 11 – 32.

2. Әуезов М.О. Қазақ халқының эпосы мен фольклоры. // Жиырма томдық шығармалар жинағы. – 1985. – 17 том. – Б. 156 – 205.

3. Қазақ әдебиетінің тарихы. // 3 томдық монографиялық басылым. – 1961. 2-т. 1-кітап. Б. 22 – 30.

References:

1. The history of the Kazakh literary. Two volumes // 2008. no. 1, pp. 11 – 32. (In Kazakh)

2. Auezov M.O. The epic and folklore of the Kazakh people. 1985. pp. 156 – 205. (In Kazakh)

3. The history of Kazakh literature. 1961. pp. 22 – 30. (In Kazakh)

СМЕХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

LAUGHTER AS A PHENOMENON OF LINGUOCULTURE (WITH THE MATERIALS OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Рейдаленко Ю.А.,

магистрант кафедры русского языка и документалистики, Волгоградский государственный университет

Reydalenko Yuliya A.,

Undergraduate at the Department of Russian Language and documentary, Volgograd State University

АННОТАЦИЯ

В статье представлена характеристика смеха как особого эмоционального действия в разных лингвокультурах, сопоставляются группы глаголов смеха русского и английского языков, рассматривается их семантика, особенности употребления в контексте. На основе анализа этих групп глаголов делаются выводы об особенностях репрезентации смеха в русской и английской лингвокультурах.

ABSTRACT

The article presents the characteristics of laughter as a special emotional activities in different linguocultures, we match groups of laughter verbs in Russian and English languages, discuss their semantics, especially within the con-

text of use. Based on the analysis of these groups of verbs we make conclusions about the representation of laughter in Russian and English linguocultures.

Ключевые слова: смех, эмоции, лингвокультура, сема, семантика

Keywords: laughter, emotions, linguoculture, seme, semantics

Смех, существуя в представлениях людей всего мира, имеет свою национально-культурную специфику. «Смех – сложное, многофункциональное явление, имеющее свою историю и культурное содержание» [1, с.6]. «Смех является выразительным движением, свойственным только человеку» [2, с.4-5]. Феномен смеха рассматривался разными науками, с точки зрения биологической, психологической и даже философской. Многогранность смеха исследуется также и в лингвистике.

В центре нашего внимания – русские и английские глаголы смеха как ядерные единицы выражения данного феномена. Остановимся на их семантической структуре. Категориально-лексической семой (КЛС) для этих глаголов является сема «выражение эмоций с помощью смеха», данная сема представлена в следующих интегральных семах (ИС): «характер эмоций», «характер интенсивности звучания», «характер средства мимического отражения», «характер самого смеха», «характер объекта» и «характер отношения к объекту». ИС «характер субъекта» мы не рассматриваем, т.к. в прямом значении субъект действия конкретный и одушевленный. ИС, в свою очередь, реализуются в дифференциальных семах (ДС).

В самом общем виде в русском языке смех репрезентирует глагол *смеяться*, в семантике которого представлены нейтральный характер эмоций, нейтральная интенсивность звучания и нейтральный характер самого смеха. В рамках контекста глагол *смеяться* может приобретать другие дифференциальные семы: «Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом» (Ф. М. Достоевский). В данном случае ДС «нейтральная интенсивность звучания» переосмысливается в ДС «отсутствие звучания». Эмоциональное состояние субъекта передается не с помощью звукового содержания, а с помощью активного физического действия, не связанного с характером мимического отражения. Объект смеха глагола *смеяться* в прямом значении не зависит от категории одушевленности, может быть и конкретным и абстрактным.

Характер самого смеха часто меняется в рамках контекста, когда глагол *смеяться* реализует себя в сочетании с существительным *смех*, т.е. *смеяться смехом*. В этом случае характер смеха меняется в зависимости от определения его в рамках этого словосочетания: «Лакеи сделали, как будто не обращают на меня ни малейшего внимания. Только один из них *засмеялся сардоническим смехом*» (Л. Н. Толстой).

Глагол *хохотать* по характеру мимического средства и характеру смеха совпадает с глаголом *смеяться*. В текстах встречаются случаи нейтрализации выделенных ДС: «Акулина бросила его на кровать, подперлась руками и *захохотала* таким *громким, звонким и страшным смехом*, что Машка, сначала тоже засмеявшись, зажала уши и с плачем выбежала в сени... Ребенка вынесли, стали оттирать; но все было напрасно. Акулина валялась по постели и *хохотала, хохотала* так, что страшно становилось всем...» (Л.Н.Толстой). В этом контексте эмоции субъекта, переданные глаголом *хохотать*, отрицательные. Хохот становится отражением душевного состояния, это хохот сквозь слезы, хохот на грани отчаяния. В другом примере – «А сам он только мычал да покусывал сбоку янтарчик своего чубука да, прихватив шею пальцами, вертел головою, точно пробовал, хорошо ли она у него привинчена, и вдруг *разевал широкий рот* и *хохотал безо всякого шума*» (И.С. Тургенев) – подчеркивается ДС характера мимического отражения «широко открытым ртом» и нейтрализуется ДС сильной интенсивности звучания.

Можно также отметить тенденцию, при которой характер эмоций и характер смеха глагола *хохотать* "двигаются" в направлении усиления. В редких случаях присутствуют исключения, но они все-таки есть: «А сам он только мычал да покусывал сбоку янтарчик своего чубука да, прихватив шею пальцами, вертел головою, точно пробовал, хорошо ли она у него привинчена, и вдруг *разевал широкий рот* и *хохотал безо всякого шума*». (И. С. Тургенев). В рамках этого контекста подчеркивается ДС характера мимического отражения «широко открытым ртом» и нейтрализуется ДС сильной интенсивности звучания.

Объект смеха глагола *хохотать* характеризуется одушевленностью и конкретностью, отношение к объекту нейтральное или положительное.

Глагол *хихикать* имеет следующие характеристики: слабое проявление эмоций субъекта, слабая интенсивность звучания. Мимическое отражение – слегка приоткрытый рот. При наличии объекта действия отношение к нему почти всегда отрицательное, *хихикать* – это смеяться тихо и исподтишка, ИС характера смеха реализуется как *злорадный*: «Ну-с, ну-с, теперь запоет у нас Настасья Филипповна! – потирая руки, *хихикал* чиновник...» (Ф. М. Достоевский). Отношение к субъекту действия, выраженного глаголом *хихикать*, чаще всего отрицательное. Это единственный глагол в русском языке, который одновременно содержит ДС «тихий смех и слабые эмоции» и ДС отрицательного отношения к объекту, что говорит о нерелевантности такого сочетания характеристик для носителей русского менталитета.

С помощью глагола *усмехаться* передаются эмоции сдерживаемые, интенсивность звучания нейтральна, характер смеха нейтральный: «Рудин посмотрел на него, *усмехнулся слегка и умолк*» (И.С. Тургенев); «Вчера у вас такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, как вы жаловались на нее?... Точно это вам в наказание послано. Лаврецкий горько *усмехнулся*»

(И. С. Тургенев); «А я, по-вашему, аристократка? Базаров поднял глаза на Одинцову.— Да, — промолвил он преувеличенно резко. Она *усмехнулась*» (И.С. Тургенев). В первых двух примерах несложно заметить, что *усмешкой* выражается *досада* и *сожаление*. В первом примере примечательно угасание эмоций и активности субъекта. В последнем примере *усмешка* употребляется в процессе кокетливого общения, т.е. субъект скорее *улыбается*, причем *насмешливо*.

Глаголом *фыркать* выражаются неконтролируемые эмоции, которые субъект пытается сдержать, интенсивность звучания слабая из-за того, что в мимическом выражении эмоции активнее всего принимают участие нос и губы, смех нейтральный. Объект смеха отсутствует: «*Шурочка фыркнула подавленным смехом и выскочила вон, а Лаврецкий поднялся со своего места*» (И.С. Тургенев).

Примеров употребления глагола *порскнуть* в художественных текстах мы не встретили, но на основе сравнительно-сопоставительного анализа толкований этой лексической единицы можно сделать вывод, что ДС глагола *порскнуть* совпадают с ДС глагола *фыркнуть*. Различается лишь характер эмоций. Для глагола *порскнуть* характерно более интенсивное проявление эмоций. Набор ДС глаголов *порскнуть* и *прыснуть* (со смеху) при анализе совпал. Для разграничения этих глаголов появилась необходимость для выделения еще одной ИС – «характер сдерживания смеха». Так, для *порскнуть* характерна реализация ДС непродолжительного сдерживания смеха, а в толковании *прыснуть* (от смеха) приведено уточнение «сдерживаясь долго», что свидетельствует о представленности ДС продолжительного сдерживания: «Дядя прогонит меня, а я опять зайду к нему тихонько сзади. *Сначала креплюсь, а потом и прысну со смеха*» (Ф. М. Решетников).

Глагол *грохотать* в переносном значении характеризуется следующими ДС: очень сильные, неконтролируемые и несдерживаемые эмоции, очень сильная интенсивность звучания, оглушительный смех, похожий на грохот, гром, наличие объекта не предполагается. Средство мимического выражения совпадает с глаголами смеха, отражающими сильные эмоции: «*Смеялся старичок помощник, моргая подслеповатыми глазками, грохотал толстяк офицер, сотрясаясь тучными телесами*» (В. Г. Короленко).

ДС глаголов *гаганить, гагарить, гоготать* и *ржать* мы выделяем только на базе словарных статей. Они характеризуются очень сильными эмоциями и подразумеваемой очень сильной интенсивностью звучания. Мимическое выражение идентично глаголам *смеяться* и *хохотать*. Существенное отличие от остальных глаголов – животный смех. Различие в рамках этого синонимического ряда – это источник происхождения смеха (звукоподражание гагаре, гусям (уткам), лошадям). Глагол *реготать* имеет схожую характеристику, только смех не животный, а граничащий с криком, но все-таки «человеческого» происхождения. Наличие объекта смеха не предполагается.

Обратимся к глаголам смеха английского языка. Глагол *laugh* является базовым идентификатором для глаголов смеха английского языка. Он семантически близок русскому глаголу *смеяться*. В рамках нашего исследования мы определили, что причин для «английского» смеха может быть две, однако *состояние счастья* как причина встретилось нам только в одной словарной статье. Из этого можно сделать вывод, что причиной смеха, включенной в семантическую структуру глагола *laugh*, для англичан является в большей степени мысль о том, что что-то или кто-то является забавным.

Эмоции, передаваемые с помощью глагола *chortle*, мы классифицируем как сильные, интенсивность звучания при этом тоже сильная, смех громкий, шумный. Средством мимического выражения выступает широко открытый рот. Это смех от *удовольствия*. В данном значении он употребляется без объекта. Семантических изменений в рамках контекста при этом не происходит.

Глагол *giggle* по набору ДС близок русскому глаголу *хихикать* (слабые эмоции, слабая интенсивность звучания). Средством мимического выражения является слегка приоткрытый рот. Однако смех характеризуется как нервный, глупый: «*The musicians preluded on their instruments – the minstrels hummed their songs – the licensed jester whooped betwixt mirth and madness, as he brandished his bauble – the morrice-dancers jangled their bells – the rustics hallooed and whistled-men laughed loud, and maidens giggled shrill*» (W. Scott). Использование глагола *giggle* в данном контексте подразумевает негативное отношение к субъекту действия, т.е. к девушкам. Присутствует гендерное противопоставление единиц этой группы глаголов. Так, для мужчин характерно *laughed loud*, а женщинам свойственно *giggle*. Предполагается возможное наличие объекта действия: «*Take care of that child, George, or he'll burst!*' and from observing that the women-servants who were about the place came out to look and giggle at me as a young phenomenon» (Ch. Dickens).

Глагол *cachinnate* обладает следующими ДС: сильные, неконтролируемые эмоции, сильная интенсивность звучания, средством мимического выражения является широко открытый рот, смех тяжелый, иногда судорожный, объект смеха отсутствует. В анализируемых нами художественных текстах мы не нашли примеров употребления глагола *cachinnate*. Эмоции, обозначаемые с помощью глагола *chortle*, мы классифицируем, как сильные, интенсивность звучания при этом тоже сильная, смех громкий, шумный. Средством мимического выражения выступает широко открытый рот. Это смех от *удовольствия*. В данном значении глагол употребляется без объекта. Семантических изменений в рамках контекста при этом не происходит.

Глагол *guffaw* имеет ДС «сильное проявление эмоций», «сильная интенсивность звучания». Средство мимического выражения – широко открытый рот. Смех глагола *guffaw* – грубый, неуместный. Употребляется

без объекта. В русском языке эквивалент отсутствует, что свидетельствует о важности для носителя английского языка реакции окружающих.

Глагол *snigger* включает в себя следующие ДС: сильные, но сдерживаемые эмоции, слабая интенсивность звучания. Средством мимического выражения выступает слегка приоткрытый рот. Смех в случае глагола *snigger* – неуместный, нежелательный, неуважительный, в какой-то степени запретный (смех над тем, над чем смеяться нельзя). Наличие объекта смеха не подразумевается.

Глагол *titter* по набору ДС схож с глаголом *snigger*. В их семантике выражены слабая интенсивность звучания, сильные, но нуждающиеся в сдерживании эмоции, средством мимического выражения выступает слегка приоткрытый рот. Объект отсутствует. Эмоции, проявляемые в ситуации, выражаемой глаголом *titter*, сильнее, чем у *snigger*. Смех, передаваемый глаголом *titter*, – неуместный и немного нервный: «*He should certainly be kept indoors for the rest of his natural life, 'they said. 'Look at his hunched back, and his crooked legs, and they began to titter*» (O. Wilde).

Глагол *snort* характеризуется проявлением неконтролируемых, но сдерживаемых эмоций, интенсивность звучания сильная, т.к. средством мимического выражения являются характерные движения носа и губ. Объект действия отсутствует. Семантическая близость с глаголом *фыркать* подтверждается их использованием как эквивалентов: «Шурочка *фыркнула подавленным смехом* и выскочила вон, а Лаврецкий поднялся со своего места» (И. А. Тургенев). Перевод Г. Гольта: «*Schurotchka snorted with suppressed laughter and ran out of the room, and Lavretzky rose from his seat*».

Таким образом, проведенный анализ особенностей семантики глаголов смеха позволяет говорить о национально-культурной специфике восприятия этого феномена в русской и английской лингвокультурах.

Список литературы

1. Бергсон А. Смех. – М.: Искусство, 1992. – 128 с.
2. Викулова В.В. Метафорическое моделирование смеховой ситуации в русском языке (на примере интерпретации признака стихийности) // Вестник СамГУ, 2010. – №77. – С.113–117.

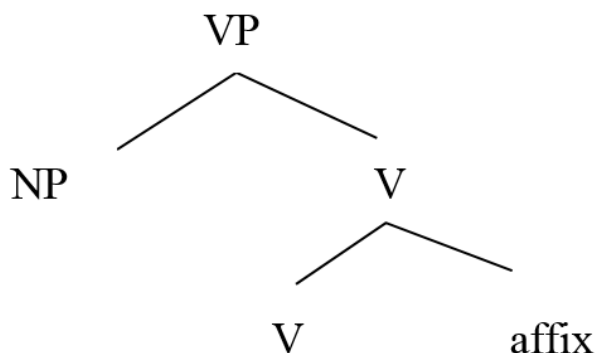
МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ДИАХРОНИИ

Гурова Юлия Ивановна

Доцент, кандидат филологических наук, г. Санкт-Петербург,
доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский
государственный университет кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург

Излишне говорить, что в среднеанглийский период (далее СА) в глагольной системе произошло большое количество изменений. Некоторые из них являются более важными, чем другие, а некоторые более загадочным в исторической лингвистике. Конечно, невозможно охватить все преобразования, которые претерпела глагольная система английского языка с начала письменных времен, но мы попытаемся рассмотреть некоторые основные из них.

В древнеанглийском языке (далее ДА) временные различия были высказаны временной аффиксацией глаголов в сотрудничестве с наречиями времени [2, с. 72]. Времена были обозначены морфологически, то есть существовали определенные парадигмы глаголов: *ic eom = I am*, *ic wæs = I was*, *ic cepe = I keep*, or *ic cepte = I kept*. Временные формы глаголов охватывали широкий круг временных связей и формировались по образцу (VP - вербиальный предикат, NP – номинативный предикат, V – глагол):

Временные аффиксы были только морфологической реализацией временной характеристики глагола и не имели никакого отношения к категории времени. Определенные характерные черты категории времени такие, как: подлежащее – НС предложения, вспомогательные глаголы, модальные вспомогательные глаголы и т.д. не наблюдались в английском языке в то время.

В современном английском языке вид – это категория, которая уточняет характер протекания действия в пределах категории времени. Из этого следует, что видовые формы не существуют самостоятельно без временных форм [3, с. 225]. В истории языка можно проследить существование совершенно противоположной видовременной системы. Как в индоевропейском, так и в общегерманском языке выделяли, прежде всего, не времена, а

глагольные виды (формы глаголов, которые отличались друг от друга характером процесса действия во времени). В древних языках выделяли три вида: длительный, мгновенный и результативный. Длительный вид передавал действие в процессе без какого-либо его завершения, мгновенный вид обозначал направленное действие на его завершение и результативный вид (перфект) передавал завершённое действие (результат).

Сформированные видовые категории в основном затрагивали корневую основу глагола, изменяя при этом качество корневого гласного (аблаут). На примере греческого языка, можно четко проследить систему данного типа: *leirō* – «оставляю» (длительный вид), *elipon* – «оставил» (мгновенный вид (аорист)), *leloira* – «оставил» (результативный вид (перфект)).

При изменении по количественному и по качественному аблауту, корень мог иметь пять вариантов, например,

нулевая ступень	полная ступень	продлённая ступень
∅	e	ē
	o	ō

Зафиксированные варианты индоевропейского аблаута напрямую были связаны с видовыми формами глагола и передавали временное значение по следующей схеме: «e» - длительный вид, «o» - перфектный вид, «∅» - аорист (прошедшее время).

Именно эти три вида дали толчок для развития германских сильных глаголов: длительный вид являлся основой для развития настоящего времени, мгновенный вид для прошедшего времени, а результативный вид имел своеобразное развитие. В значении результативного вида сочетались два элемента времени: характер действия (имел отношение к прошлому) и результат действия (относился к настоящему). При становлении форм сильных глаголов результативный вид в сочетании с мгновенным видом стал основой для развития форм прошедшего времени (Past Perfect), а при использовании претерито-презентных глаголов обозначал настоящее время (Present Perfect).

Категория вида отсутствовала также и в готском языке, поэтому вид глагола передавался различными, в том числе, и лексическими способами, так же, как и в ДА языке. Аспект длительности в ДА языке передавался с помощью настоящей формы глагола, а указание на длительность действия было в контексте, кроме глаголов, которые передавали длительное действие по своему значению (*beon*, *habban*).

В ДА период отмечается достаточно частое использование для выражения длительного действия синтаксической конструкции – сочетания глагола *beon* / *habban* с причастием настоящего времени. Значение длительности, передаваемое данными конструкциями, в отличие от значения длительности, передаваемого современными средствами видообразования, носит неопределенный характер, т.к. действие не ограничено во

времени, обозначает состояние или длительное (бесконечное) свойство субъекта.

Нередко употреблялись особые синтаксические конструкции – именные составные сказуемые, состоявшие из глагола и причастия I.

L. 23-24 ...*sonne wig cume, leode gelasten ...* [6, с. 12].
...*in after days, come warriors willing*

Такие конструкции выражали скорее даже не длительность, а «...как правило, состояние или свойство субъекта» [1, с. 242]. Другими словами, эти сочетания давали понять, что субъект находился в определенном состоянии или процессе выполнения какого-либо действия, но, в отличие от современного времени Continuous, эта длительность носит принципиально иной характер: она неопределенная, не ограниченная во времени.

Современный английский язык и его форма *be+Ving* (так называемый Continuous / Progressive) являются практически единственной действующей грамматической формой среди германских языков. Хотя использование вспомогательного глагола «бытия» *to be* и предикативного причастия настоящего времени можно встретить в литературных источниках разных периодов истории немецкого языка, а также других родственных языков, все же только в английском языке данная конструкция получила становление в качестве регулярно-продуктивной синтаксической структуры.

В данной конструкции предикативное причастие настоящего времени представляет собой действие или событие в процессе и относит его к предмету с помощью вспомогательного глагола. Использование длительных форм часто варьируется, но всегда остается основной смысл события. В длительной конструкции всегда присутствует такое понятие, как имперфективность и состоит оно в том, что предмет участвует при совершении какого-либо события, которое, подразумевается, «уже началось» и продолжается после начала отсчета времени [7, с. 22]. Такие выразительные эффекты, как временная соотнесенность ("She is being so kind to me these days...») и другие эффекты относятся к понятию имперфективности, которое включает в себя потенциал длительного действия.

Исторические исследования относительно длительных форм имеют долгую историю, и часто соотносятся с развитием окончания *-ing*. Что касается его происхождения, то здесь мнения расходятся, т.к. некоторые лингвисты (Ф. Виссер [13] и Г. Никель [11]) рассматривают его как результат латинского и / или французского влияния, другие как кальку из кельтских языков (В. Келлер [8], В. Проислер [12]), и третьи (Ф. Моссе [10]) воспринимают ее, как чисто родную конструкцию английского языка.

Категория вида английского глагола по отношению к категории времени является крайне спорной как в современный период, так и в процессе развития языка. В ДА языке, как и во всех германских языках, категория вида выражается противопоставлением глаголов с префиксом *ge-* и глаголов, не имеющих этого префикса; глаголы, имеющие данный префикс имеют значение совершенного действия, в то время как те же самые глаго-

лы его не имеют, т.к. передают несовершенный вид. Но префикс *ge-* не должен рассматриваться исключительно в качестве видоразличительного элемента, он может изменять видовую принадлежность глагола, придавая ему значение совершенного действия, но, помимо этого, данный префикс может изменять лексическое значение глаголов.

Для ДА языка, большой диапазон доступных образцов из ДА источников в большей степени дает опору для обсуждения относительно диахронического статуса перифразы перфекта в ДА языке и его продолжающемся развитии. Однако, есть определенные теоретические пункты, которые относятся к большинству предыдущих исследований. В силу отсутствия точных количественных данных перфектных конструкций относительно их последующего развития и распространения в древних германских языках, была принята относительно несложная модель. В данной модели говорится о небольшом синхроническом изменении в использовании перфектных конструкций и об устойчивом, хотя необязательно непрерывном, диахроническом продвижении к становлению современной формы в языке. Данный факт указывает на начало развития совершенного времени еще в течение ДА периода от ранней стадии, в которой это могло произойти только с переходными глаголами, к более поздней стадии (более заметной примерно в XI в.), в которой стало возможным использование дополнения внутри данной конструкции. Последняя стадия включала использование перфектной конструкции с непереходными глаголами [13, с. 189-193]. Ф. Виссер полагал, что последняя стадия была достигнута только в начале XII столетия, т.к. перфектные конструкции начали достигать их современного уровня производительности только в пределах СА языка. Неточность дат, предложенных Ф. Виссером для всех стадий развития, часто отмечалась многими лингвистами, например, Б. Митчеллом. Он цитирует многочисленные примеры описательных конструкций, к которым были использованы непереходные глаголы, из самых древних текстов [9, с. 289-291]. Однако, другие авторы часто рассматривают развитие данных описательных конструкций диахронно в пределах ДА языка тем способом, который был предложен Ф. Виссером.

Д. Денисон, цитируя рассуждения Б. Митчелла относительно древних образцов с непереходными глаголами из собственно-разработанного корпуса Ф. Виссера говорит о том, что вспомогательный глагол *to have* не является вспомогательным для всех глаголов до позднего ДА периода [5, с. 96]. Он также дает образцы переводов для репрезентативности координации описательных конструкций с претеритом в наличии той же самой временной ссылки, как и в использовании перфектных конструкций СА языка с определенным обстоятельством прошедшего времени, указывая на то, что семантическое значение перфекта и претерита было полностью одинаково. Он указывает, что до ранненовоанглийского (далее рНА) периода перифрастическая конструкция перфекта была «...чисто грамматическим эквивалентом времени» [5, с. 96].

К. Кери, работая над проблемой грамматикализации перфекта и роли прагматики в этом процессе, в своих подсчетах вышла на тот же временной отрезок по датам, в течение которых перифрастические формы перфекта подвергались существенным диахроническим изменениям. Она приходит к заключению, что перифрастические конструкции перфекта в ДА языке имели только значение результата, и что современное значение перфекта не было достигнуто до СА периода [4, с. 103–117].

В дополнение к указанным выше работам, существуют другие исследования относительно ДА описательной формы перфекта с глаголом *to have*, в которых указано, что глагол *to be* более устойчив в ДА период. Б. Митчелл признает существование небольшого количества тенденций относительно уменьшения в использовании флективных причастий в диахронии [9, с. 282-298]. Он подчеркивает нехватку взаимосвязи между такими тенденциями и любыми заметными семантическими различиями и демонстрирует существование описательных конструкций перфекта в пределах ДА периода, которые во всех отношениях являются приближенными к современным формам относительно любых морфосинтаксических или семантических критерий. И. Вишер не согласна с заключениями Л. Брингтона относительно всецелости грамматического развития перфектных конструкций, указывая на то, что грамматическая конвенционализация формы продолжалась и после ее грамматического формирования [14, с. 243–255]. Она рассматривает весь ДА период, как единственные языковой корпус, в целях текстового анализа. Хотя такое обсуждение не дает прямого методологического решения проблемы и не отражает его теоретическую позицию относительно однородности ДА языка в использовании данных форм, но может, однако, дать объяснение диахроническому развитию данных конструкций в течение ДА периода.

Такое большое разнообразие теоретических положений относительно диахронического развития описательной формы перфекта иллюстрирует актуальность и неотъемлемый интерес относительно фактического использования перфектных форм относительно грамматического развития глагольных категорий в диахронии.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка: учеб. пособие. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – С. 12-242.
2. Гурова Ю.И. Историческая эволюция глаголов путешествия, странствия, скитания по суше объекта в неограниченном пространстве в английском языке / Гурова Ю.И. // Вестник Томского государственного педагогического университета: сборник научных трудов ВАК, 2011. Выпуск 9 (111). – С. 74-78.
3. Гурова Ю.И. Речевой акт приглашения в процессе межличностной коммуникации / Ю.И. Гурова // Наука, образование, общество. – 2016. №1 (7). – С. 224-229.

4. Carey K. The Grammaticalization of the Perfect in Old English: An Account Based on Pragmatics and Metaphor', in Perspectives on Grammaticalization / K. Carey, W. Pagliuca. – Amsterdam: Benjamins, 1994. – 117 p.
5. Denison D. English Historical Syntax: Verbal constructions. – London: Longman, 1993. – 396 p.
6. Heatt C. Kent. Beowulf and Other Old English Poems. – New York: Bantam Books, 1983. – 192 p.
7. Hirtle, W. H. The Simple and Progressive Forms in English. – Quebec: Presses de Universite Laval, 1965. – 115 p.
8. Keller, W. Keltischesim englischen Verbum in Anglica / W. Keller // Untersuchungen zur englischen Philologie (Alois Brandl zum siebzigsten Geburtstag überreicht). – 1925. – P. 55-66.
9. Mitchell, B. M. Old English Syntax / B. M. Mitchell. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 2 Vols.
10. Mossé, F. Reflections on the genesis of the 'progressive form'. Studies in English Language and Literature, Presented to Professor Dr. Karl Brunner on the Occasion of his Seventieth Birthday / F. Mossé, S. Korninger. – Vienna: Braumüller, 1974. – 400 p.
11. Nickel, G. Die Expanded Form im Altenglischen / G. Nickel. – Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1966. – 400 p.
12. Preusler, W. Keltischer Einflussim Englischen / W. Preusler // Revue des Languesvivantes. – Part 22. – 1956. – Pp. 322-350.
13. Visser, F.T. An historical syntax of the English language. Syntactical units with two and with more verbs / F. T. Visser. – Leiden: Brill, 1973. – 3 Vols.
14. Wischer, I. The HAVE- "perfect" in Old English', in New Perspectives on English Historical Linguistics: Selected Papers from 12 ICEHL / I. Wischer, C. Kay. – Glasgow, Amsterdam: Benjamin. – 2004. V. 1 – 360 p.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОСТИ: РЕАЛЬНОЕ VS ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Холодняк Любовь Викторовна

магистр 2 года, кафедра романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации, СКФУ, г. Ставрополь

Ломтева Татьяна Николаевна

научный руководитель, доктор пед.наук, профессор кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации, СКФУ, г. Ставрополь

В связи с включенностью человека в систему общественных и производственных отношений, общение является необходимым условием его жизнедеятельности. Проблема взаимодействия людей привлекает ученых из различных областей науки, что обуславливается его социальной значи-

мостью. Различные формы (вербальное, невербальное), виды (формальное, неформальное и т.д.) и типы (межгрупповое, межличностное и т.д.) общения наиболее наглядно раскрывают специфику человеческого общества.

Вследствие разнообразия подходов к изучению взаимодействия людей необходимо разграничить понятия «общение» и «коммуникация». Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале XX века, однако вскоре, наряду со своим основным значением (как средство связи любых объектов действительности), приобретает социокультурную окраску, которая связана со спецификой обмена информацией в обществе. Впервые термин стал использоваться в психологии, где коммуникация рассматривалась как составная часть общения. Под коммуникацией исследователи понимали, прежде всего, психологический и эмоциональный контакт, сообщение между двумя индивидами, а только потом – обмен информацией [3, с. 61].

В философии понятия «общения» и «коммуникация» противопоставляются ввиду ряда причин. Так, философы выделяют два основных различия:

1) общение носит практично-духовный характер, то есть помимо материальной стороны имеет целью передачу информации. В коммуникации, в отличие от общения, отсутствует духовная составляющая, что делает ее чисто информационным процессом;

2) исходя из определения коммуникации как информационной связи субъекта с тем или иным объектом, можно сделать вывод, что при данном процессе безразлично, кто является приемником информации – человек, животное или машина, так как это однонаправленный процесс, в котором получатель информации является объектом, который должен принять, правильно декодировать, хорошо усвоить и в соответствии с этим поступить. При общении информация циркулирует между объектами, увеличивается и обогащается, из чего следует, что при общении невозможно выделить отправителя и получателя информации, есть только собеседники, соучастники общения [1, с. 12].

В теории коммуникации термин «коммуникация» используется для обозначения и характеристики многообразных связей и отношений, возникающих в человеческом обществе. Коммуникационные процессы рассматриваются как специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека к человеку, осуществляющаяся при помощи любых знаковых систем [Вацлавик 2000; Василик 2003; Землянова 1999; Зверинцев 1997; Кашкин 2000; Конецкая 1997; Панфилов 2001].

В отечественной лингвистике существуют две противоположных точки зрения на взаимосвязь общения и коммуникации. Согласно Г.М.Андреевой, коммуникация рассматривается как составная часть общения, выделяемая на основании его коммуникативной, перцептивной и интерактивной сторон [1, с. 80]. В широком смысле, наоборот, общение является частью коммуникации, предполагая не только взаимодействие человека с человеком, но также и связь предметов материального и духов-

ного мира [6]. При отождествлении данных понятий термин «коммуникация» может быть использован синонимично «общению».

Вслед за Асмус Н.Г., в данной работе мы будем придерживаться следующего определения коммуникации: «коммуникация - это процесс взаимодействия языковых личностей с целью передачи, получения или обмена информацией, необходимой для осуществления совместной деятельности, включающей взаимное познание коммуникантов, передачу сообщения и собственно языковое оформление высказывания» [5, с. 15].

Следует отметить, что коммуникацию следует рассматривать в рамках коммуникативного пространства, которое обуславливает способ и сферу общения, участников коммуникации и выбор ими средств выражения, временной и пространственный фактор взаимодействия. Гаспаров Б.М., который ввел понятие коммуникативного пространства, определял его как мысленно представляемую среду, в которую погружено высказывание и которая необходима для того, чтобы создать или интерпретировать сообщение [4, с. 69]. По мнению некоторых исследователей, с появлением новых форм коммуникации меняется и ход культурного развития общества, так как эти понятия являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Новые информационные технологии кардинально изменили не только характер общения с информацией, но и наши представления о процессе коммуникации. Компьютерное общение обладает рядом конститутивных признаков, таких как цели, стратегии, участники общения и т.д., позволяющих выделить его в качестве особого типа коммуникации.

Ученые, занимающиеся исследованием компьютерной коммуникации, ввели в оборот термин «*виртуальный*», под которым понимается объект, «реально не существующий или воспринимаемый иначе, чем реализован» [8, с. 102]. Понятие «виртуальная реальность» означает мир, созданный компьютерными средствами. Он реально не существует, однако компьютер может воздействовать на зрительные, слуховые и др. органы чувств человека, вызывая у него иллюзию погружения в этот мир. Таким образом, термин «виртуальная реальность», где виртуальные объекты существуют только актуально, «здесь и сейчас», с окончанием процесса порождения они исчезают, противопоставляется реальности актуальной, которая существует вне зависимости от отношений объектов в ней. Однако ошибочно полагать, что виртуальная реальность отражает объекты действительности, являясь при этом фиктивной. Корсунцев И.Г. полагает, что «функционально виртуальная реальность является пространством знания субъектов, оценок и рейтингов, депутатий, этических и моральных ценностей, знаковой средой законов, норм, статусов» [7, с. 53]. Таким образом, коммуникативное пространство виртуальности строится на переходе всего и вся в *виртуальное состояние*, т.е. мыслимую, воображаемую плоскость. Виртуальность выступает как реальное местопребывание реальных явлений, которые в реальности не представлены вместе. При этом, по Д. Галкину, «виртуальный дискурс как бы подменил природу коммуникации –

буквы и слова, звуки и образы, тела и вещи заменены цифрами, и поэтому они виртуальны, и поэтому они обретают столь специфические возможности» [4, с. 30]. Следовательно, мы полагаем, что при исследовании виртуальной реальности следует иметь ввиду особенности коммуникативного пространства, порождаемого ею. В данной работе мы рассматриваем Интернет-коммуникацию как особый вид виртуальной реальности, имеющий большое влияние на социум. По мере своего развития коммуникативная Интернет-среда приобретает черты новой реальности, которая стимулирует появление новых форм и средств коммуникации. При этом происходит формирование нового, сетевого образа жизни, который влияет на речевое поведения общества в целом [3, с. 13].

Несмотря на тот факт, что виртуальная коммуникация обладает разнообразием функциональных целей, присущих также коммуникации в реальном пространстве, таких как коммуникативная, социализирующая, манипуляционная, вслед за О.В. Лутовиновой мы в качестве основных выделяем третичную социализацию, интеркультурацию, самопрезентацию и развлечение. Изначально социализация имела две основные формы: первичную и вторичную. Первичная социализация протекает в кругу близких и родных, вторичная социализация – в рамках формальных институтов (школа, институт, производство) [5]. С появлением новых информационных технологий, пользователь, попадая в новую для себя реальность, адаптируется к сложившимся условиям, совмещая в жизни реальную и виртуальную коммуникацию, что, по мнению А.В. Чистякова, формирует «третичную социализацию». Данный термин используется для обозначения процесса интериоризации норм, ценностей, моделей поведения в конкретном сетевом обществе, членом которого он стал [10, с. 106].

Некоторые ученые придерживаются того мнения, что процесс социализации сопровождается интеркультурацией индивида, то есть «усвоение традиций, обычаев, норм и ценностей культуры, частью которой он является» [2, с. 222]. Пользователь, попадая в новую для себя культуру, самостоятельно вписывается в тот или иной ее сегмент, тем самым языковая личность, попавшая в виртуальное пространство, будет соблюдать нормы уже новой реальности для успешного проведения коммуникации с себе подобными.

Еще одной характеристикой является стремление личности к публичности, к признанию другими пользователями, в то же время оставаясь анонимной. Данный процесс получил название «самопрезентации», который исследователи причисляют к одной из основных целей Интернет-коммуникации. По мнению Лутовиновой О.В., в большинстве случаев языковая личность в процессе виртуальной коммуникации стремится показать себя с лучшей стороны, акцентируя внимание на своих достоинствах. Однако существует процесс, обратный общепринятому, когда актант коммуникации гиперболизирует свои отрицательные качества. Несмотря на свою противоречивость, самопрезентационная цель преследуется участни-

ками коммуникации на протяжении всей виртуальной коммуникации, так как именно от того, как пользователь преподнесет себя другим участникам Сети, будет зависеть результат протекающей между ними виртуальной коммуникации [6, с. 38].

Виртуальной общению зачастую противопоставляется реальному как нечто притягивающее, развлекательное – серьезному, обязательному. Действительно, большинство участников Интернет-коммуникации одной из целей общения в виртуальном пространстве видят попытку отвлечения от повседневной рутины, а также поиск развлечения. Все это позволяет выделить также развлекательную цель в качестве одной из конститутивных целей Интернет-общения.

Еще одной особенностью взаимодействия в Интернете является отсутствие таких элементов невербальной коммуникации, как проксемика (дистанция, комфортное пространство), кинесика (движения, жесты), зрительный контакт, хронемика (время как показатель) и др. Интернет-коммуникация характеризуется также наличием графических и мультимедийных изображений и интерактивностью, т.к. пользователь сети может оставить запись в блоге или отзыв на форуме и т.д.

Характеризуя Интернет-коммуникацию как специфический вид межличностного взаимодействия, необходимо, в первую очередь, обратить внимание на *гипертекстуальность* данного типа коммуникации. Под гипертекстом исследователи понимают учебники, справочники, энциклопедии, а также любые виды текстов, имеющие указания и ссылки. Гипертекст ориентирован на множественные, одновременные потоки информации, которые пользователь использует для хранения и передачи информации [5]. Еще одной важной характеристикой виртуальной коммуникации является *глобальность* Интернет-коммуникации, которая характеризуется «стиранием» территориальных, социальных, возрастных, половых и иных характеристик. Реальная коммуникация, напротив, является локальным явлением, окруженным определенными объектами. Данное свойство, прежде всего, обусловлено физической неспособностью человека находиться в нескольких местах одновременно [6, с.28]. Также мы можем говорить о безусловности реального пространства по отношению к виртуальному, реальность протекает вне зависимости от наших желаний и возможностей, виртуальная реальность создается согласно субъективным установкам участников общения.

В дополнение к выделенным характеристикам Интернет-коммуникации следует добавить также *анонимность*, которая обуславливает всеобщий характер общения в Интернет-пространстве, который осуществляется в безличной форме [12]. Общение в реальном пространстве лишено данной характеристики, так как коммуниканты обладают определенным набором знаний о своем собеседнике. Еще одним значительным фактором, определяющим компьютерную реальность, является ее мозаичность, то есть имеет в своей основе хаотичные, сетевые (мозаичные)

структуры. Таким образом, виртуальная реальность принципиально множественна и требует от пользователя постоянного переключения на различные банки данных. В условиях неопределенности и асимметричности подобной коммуникации бесконечный набор коммуникативных структур каждый раз может быть выстроен по новому принципу – в соответствии с новой смысловой задачей. Построение текстов в таком виде общения неизбежно начинает осуществляться в парадигме мозаичности [1, с. 22]. Следует также отметить, что в зависимости от преследуемой цели адресаты задают определенный *стиль общения*. Так, для привлечения внимания, коммуниканты стремятся сделать свое сообщение бросающимся в глаза, неповторимым, в некоторых случаях конфликтным.

Участники коммуникации в интернет-пространстве преследуют различные цели: поддержание эмоционального контакта, поиск единомышленника для поддержания дискуссии, самовыражение и др. Многие исследователи считают, что целью интернет-коммуникации является воздействие, которое может быть речевым, имеющим своим объектом собеседника, коммуникативным, имеющим в качестве объекта собственно сообщение, и речевое самовыражение – безобъектная составляющая, которая способствует выделению в речи своей линии поведения [11, 47].

Немаловажным фактором при характеристике Интернет-коммуникации является ее жанровое разнообразие. Под «жанром» в данной статье мы понимаем типичную модель речевого поведения в повторяющихся коммуникативных ситуациях, характерных для определенных сфер человеческой деятельности.

Таким образом, выделенные характеристики виртуальной Интернет-коммуникации обуславливают переход сознания на качественно новую ступень абстракции при взаимодействии с виртуальными личностями и позволяет участнику «окунуться» в иную реальность, которая создается самими пользователями, существует в виде текста и мультимедиа только в данный момент и влияет на формирование речевого имиджа виртуальных коммуникантов.

Реальная коммуникация vs виртуальная коммуникация

Коммуникация в реальном пространстве	Коммуникация в виртуальном пространстве
<i>Функции и цели</i>	
Коммуникативная Информативная Манипуляционная <i>Социализирующая</i> <i>Эмотивная</i> <i>Побудительная</i> <i>Контактная</i>	Коммуникативная Информационная Манипуляционная <i>Третичная социализация</i> <i>Интеркультурация</i> <i>Самопрезентация</i> <i>развлекательная</i>
<i>Характеристики</i>	
Идентификация актантов коммуникации Локальность Безусловность	Анонимность Глобальность Условность <i>Мозаичность</i> <i>Гипертекстуальность</i>

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учеб.пособие. – М.: Аспект пресс, 2006. – 363 с.
2. Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 287 с.
3. Браславский П.И., Данилов С.Ю. Интернет как средство инкультурации и аккультурации//Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: монография [под ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой]. – Воронеж, 2004. – Ч.1. – с.215-218
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц., 2000. – 169 с.
5. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб. : Речь, 2004. – 304 с.
6. Жилкин В.В. Инфосоциализация в образовании. – СПб., 2007. – 393 с.
7. Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации // Образование и информационная культура. – М.: ЦСО РАО, 2000. – с. 395-431.
8. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: учеб.пособие. – М., 2007. – 256 с.
9. Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 20 с.

10. Чистяков А.В. Социализация личности в виртуальном пространстве. – Ростов н/Д, 2006. – 184 с.

11. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/kravch/11.php (дата доступа 29.10.2016)

12. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/Kozlova_Sushkov_Publicity-Self-Presentation/ (дата обращения 2.11.2016)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК ФАКТОРЫ ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Кадырова Зухра Рашидовна

*д.ф.н., профессор Национального
Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека*

Кадырова Фатима Рашидовна

*д.п.н., профессор Республиканского
учебно-методического центра переподготовки и повышения
квалификации работников ДОУ*

РЕЗЮМЕ

Интеграция науки и образования в современной цивилизации – это проблема глобального масштаба. Наука и образование вплетены во все сферы человеческой деятельности. Развитие науки и образования служит важнейшим фактором проводимых во всех сферах жизни реформационных процессов, углубления демократических реформ и развития гражданского общества в нашей стране и её стабильности.

Одной из самых важных задач в процессе становления личности является её нравственное воспитание. Образование и наука формируют и совершенствуют проявляемые нравственные качества человека в его сознании, поведении, поступках, равнодушии к проблемам окружающих.

Ключевые слова: наука, образование, интеграция науки и образования, непрерывное образование, нравственное воспитание, глобализация, модернизация, гражданское общество, молодежь, духовность, гуманизм, культура, мировоззрение, квалифицированные специалисты, гармонично развитая личность, стабильность.

Наука и образование составляют основные принципы образовательной политики Республики Узбекистан, которые определены в Законе «Об образовании» и «Национальной программе по подготовке кадров», совместном постановлении Академии наук РУз и Министерства высшего и среднего образования РУз от 22 июня 2006 г. «Об интеграции науки и образования»¹, а также постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшей оптимизации структуры Академии наук Республики Узбекистан и укреплению интеграции академической науки и высше-

¹ http://old.academy.uz/ru/activities/part_7.php

го образования республики» от 8 июля 2014 г.(Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2014 г., № 32, ст. 396)²

Постановления принимались на основании того, что образовательные и научные структуры существовали отдельно. Между научными разработками, достижениями и образовательным процессом не было единой координации. Это уменьшало их совместный необходимый вклад в развитие различных сфер жизни Узбекистана. На основании принимаемых постановлений при университетах нашей страны были созданы научно-исследовательские центры, учебно-научные комплексы. Их деятельность направлена на то, чтобы научно-исследовательская работа сочеталась с педагогической и наоборот, преподаватели и учащиеся творчески, активнее занимались научно-исследовательской деятельностью. Такая интеграция образования и науки должна способствовать их взаимодействию, взаимопроникновению, взаимовлиянию, взаимообогащению.

Интеграция образования и науки служит совместному использованию потенциала образования и науки в общих интересах: в подготовке кадров, повышении их квалификации и переподготовке. Непрерывное образование способствует научно-исследовательской деятельности, а проведение совместных научных исследований опытных наставников и молодых специалистов приводит к внедрению научных разработок в образование и производство.

Говоря о глобализации современного мира, правомерно рассматривать не только позитивное, конструктивное, но и негативное, разрушительное использование достижений науки и образования на развитие общества. Поэтому необходимо рассматривать роль науки и образования в тесной связи с нравственным воспитанием молодежи.

Президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев отмечает, что: «Сегодня, когда мир стремительно меняется, возникают все новые вызовы и угрозы стабильности и устойчивому развитию народов, как никогда раньше важно внимание к просвещению, к духовному, нравственному началу, привитие молодежи стремления к знаниям, потребности в самосовершенствовании. Именно просвещение и образование являются ключом к процветанию народов. Именно просвещение и образование ведут людей к благодеяниям, добру, терпимости».³

Актуальность проблемы нравственного воспитания студенческой молодежи связана с тем, что молодежь живет и развивается в условиях развития гражданского общества и глобализации. Вместе с тем она окружена множеством разнообразных источников сильного воздействия на неё средств массовой коммуникации и информации. Они ежедневно влияют на

² http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2443920

³ Выступление Исполняющего обязанности Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества в Ташкенте.// Народное слово, 19 сентября 2016г.

формирующееся мировоззрение, чувства, духовный мир и нравственность молодого человека. В качестве критериев нравственного воспитания в системе высшего образования выступают повышение уровня знаний, интеллектуальных способностей, формирование и развитие моральных качеств молодежи, их умений и навыков, проявляемых в различных жизненных ситуациях. В целом, это можно определить как уровень нравственной культуры в условиях модернизации общества.

Нравственное воспитание студенческой молодежи является одной из самых важных задач в процессе становления личности в условиях углубления демократических процессов. Проявляемая интеллигентность как показатель нравственной и социальной зрелости молодого человека находит свое выражение в его образовании и высокой культуре, честности и порядочности, равнодушии к проблемам окружающих. Необходимо отметить, что подлинную интеллигенцию всегда отличало высокое сознание гражданского долга и чувство собственного достоинства, ответственности перед окружающими и высокая личная культура.

В современных условиях нравственное воспитание студенческой молодежи должно базироваться на изучении социокультурного опыта предшествующих поколений, представленного в культурно-исторической традиции. Система ценностей традиции народов Узбекистана складывалась на протяжении многих веков. Она вбирала в себя опыт поколений под влиянием истории, особенностей территории, на которой жили народы Узбекистана. С этих позиций современное молодое поколение изучает историю развития страны в школе, академическом лицее, профессиональном колледже, в высших учебных заведениях.

Одним из важных условий нравственного воспитания студенческой молодежи является использование этнокультурных традиций народов того региона, где оно осуществляется. Духовно нравственное воспитание гармонично развитой личности и патриота, знающего и любящего свою Родину, не осуществимо без глубокого познания духовного богатства своего народа и приобщения к его этнокультуре.

Глобализация современного мира и трансформация общества поставили на повестку дня переход к новому духовно-нравственному типу социальных отношений. Для его осуществления необходимо формирование и массовое воспроизводство такого типа личности, который бы обладал развитой культурой нравственности. Открытие Узбекистана миру, плюрализация и дифференциация политического, экономического, идеологического, религиозного, культурного пространства выдвинули проблему духовно-нравственной культуры студенческой молодежи на авансцену современной жизни. «В годы независимости число высших учебных заведений в нашей стране выросло в 2,5 раза. Сегодня в них обучаются более 230 тысяч студентов. В Узбекистане функционируют филиалы семи ведущих зарубежных вузов, тысячи представителей нашей

талантливой молодежи получают образование за рубежом - в престижных университетах мира».⁴

В нынешних условиях это нашло свое отражение в повороте общества к данной проблеме, чаще стали проводиться научные конференции, посвященные этой проблематике, появились соответствующие публикации в академических и общественно-политических журналах. Нравственное воспитание студенческой молодежи немислимо без коренных изменений в системе высшего образования. С первых лет независимости Узбекистан отказавшись от старых стереотипов и подходов в сфере высшего образования, основываясь на общечеловеческих и национальных ценностях, традициях, передовом мировом опыте, для коренного обновления жизни и достижения долгосрочных целей придал приоритетное значение дальнейшему развитию системы высшего образования и воспитания студенческой молодежи, подготовки высококвалифицированных специалистов.

В соответствии с законодательной базой образование в Узбекистане обеспечивает принцип непрерывности и преемственности. Данный принцип можно рассматривать как целостный, поэтапный и стандартизированный комплекс образования от ученика первого класса общеобразовательной школы до академика. Образование в общем виде можно разделить на три этапа: первый - общеобразовательное (девять классов школы), второй - среднее специальное образование (академические лицеи и профессиональные колледжи) и, наконец, третий - высшее образование (обучение в университетах и институтах на получение степени бакалавра и магистра).

Высшее образование провозглашается приоритетным в сфере социально-экономического и общественного развития Республики Узбекистан. Основными принципами государственной политики в области высшего образования выступают гуманистический, демократический характер обучения и воспитания, добровольность выбора направления профессионального образования. Особое внимание уделено общедоступности высшего образования в пределах государственных образовательных стандартов, светский характер системы высшего образования, единство и дифференцированность подхода к выбору программ обучения, поощрение образованности и таланта, сочетание государственного и общественного управления в системе высшего образования.

Каждому гарантируются равные права на получение высшего образования, независимо от пола, языка, возраста, расовой, национальной принадлежности, убеждений, конфессии, социального происхождения, рода занятий, общественного положения, места жительства, продолжительности

⁴ Выступление Исполняющего обязанности Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества в Ташкенте.// Народное слово, 19 сентября 2016г.

проживания на территории Республики Узбекистан. Следует подчеркнуть, что в духовно- нравственном воспитании студенческой молодежи важнейшую роль играет изучение иностранных языков. В системе высшего образования в целом большое внимание уделяется овладению будущими специалистами широкими знаниями и профессиональных навыков, а также обязательным изучением иностранных языков. Это служит важнейшим условием активного общения со своими сверстниками, коллегами из зарубежных стран, широкому познанию всего того, что происходит в современном мире, овладению огромным мировым интеллектуальным богатством. В современных условиях в стране проводится дальнейшее углубление демократических процессов, а право молодежи на высшее образование обеспечивается дальнейшим развитием образовательных учреждений, в том числе совершенствованием организации обучения с отрывом от всякой иной деятельности, бесплатным обучением по государственным программам образования и подготовки кадров, а также платным профессиональным обучением в образовательных учреждениях на договорных началах. Граждане других государств вправе получать высшее образование в Республике Узбекистан в соответствии с международными договорами.

Таким образом, интеграция образования и науки, их взаимодействие, взаимообогащение становится залогом их эффективности. Нравственное воспитание, совершенствуемое в процессе образования и использования научных достижений, создает благоприятные условия для подготовки конкурентоспособных специалистов, повышая тем самым возможность процветания современного общества, вносящего значительный конструктивный вклад в стабильное и устойчивое развитие страны.

Список использованной литературы:

1. Совместное постановление Академии наук РУз и Министерства высшего и среднего образования РУз № 134 от 22 июня 2006 г. «Об интеграции науки и образования». http://www.academy.uz/ru/activities/part_7.php. 2016
2. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшей оптимизации структуры Академии наук Республики Узбекистан и укреплению интеграции академической науки и высшего образования республики» от 8 июля 2014 г. http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2443920
3. Выступление Исполняющего обязанности Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества в Ташкенте. // Народное слово, 19 сентября 2016г.
4. Кадырова З.Р., Кадырова Ф.Р. Модернизация процесса подготовки научно-педагогических кадров на современном этапе развития науки и общества республики Узбекистан. //«Образование через всю жизнь: непре-

ривное образование в интересах устойчивого развития». Санкт-Петербург. 3-5 июня. 2016. Часть 1. С. 236-239.

5. Кадырова З.Р., Кадырова Ф.Р. Инновационная деятельность в образовании. //III Международная научно-практическая конференция «Инновации в образовании: поиски и решения». Астана. 26 – 27 мая. 2016. I том С.138 – 140.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ РИСКА В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Слок Владимир Игоревич

Аспирант, Башкирский государственный университет, г. Уфа

Вопрос о перспективах исследования интересующего нас вопроса следует начинать рассматривать с его истории. На первом этапе осмысления феномена управления обществом оно рассматривалось как управление государством, то есть учитывался лишь один из типов управления. Так, в конфуцианстве и легизме, возникших в переломную для китайского общества эпоху перехода от разрозненных общин к общему порядку, управление описывалось как основанное на морали и традиции в первом варианте, соблюдении законов и системе наказаний – во втором [см. 6,7].

Платону принадлежит идея необходимости обладания субъектом политического управления природными способностями к нему и развитыми в ходе специальной подготовки компетенциями [см. 13].

В средние века опыт цехового самоуправления дополнялся идеализацией монархии, исполняющей божественный замысел, и упорядоченности иерархии отношений управления и власти [см., напр.: 1].

Человек эпохи Возрождения, покидавший общину, надеялся на собственные силы, а риски торговли и оставления родных мест оказывались предпочтительными по сравнению с застоєм, царившим в сохранившихся очагах феодальных отношений. Соответственно, философов эпохи Возрождения интересовало соотношение свободы личности, общества и власти, причем преобладающими оказывались индивидуалистические ценности [см. 11]. Здесь же берет начало теоретическое осмысление собственно социального управления, а не только государственного. Например, Т. Мор изучал социальное управление не только в его политическом и этическом аспектах, но и в материальном и духовном [см. 12].

Для представителей философии Нового времени и эпохи Просвещения характерно внимание к взаимоотношениям власти и человека. Они нашли материалистическое объяснение возникновению и развитию системы управления и феномена власти: на определенном этапе развития общества его члены осознали необходимость объединения в государство. В теории общественного договора обосновывалась необходимость ограничения власти, не только наделенной полномочиями, но и выполняющей обя-

занности перед народом. В частности, посредством ее разделения на отдельные ветви и подчинения принципу верховенства закона [см. 8]. Целью управления начали называть приведение социальных процессов в соответствие с естественными закономерностями, а не личными прихотями субъектов управления. Достижение данной цели подразумевало образование и воспитание нравственных качеств граждан. Ф. Гегель связывал управление с осуществлением законов: «управление есть, прежде всего, формальное выполнение законов и их поддержание...» [3, с. 103].

Как видим, в европейской философии проблемы управления рассматривались как один из аспектов соотношения частного интереса и общей пользы, начиная с представления о цели управления, состоящей в достижении общего блага, которое можно найти у Платона.

Собственно научное изучение управления и риска осуществляется с начала XX в. Его начало связано с возникновением вопросов организации крупного производства. «Отцами» отраслевого индустриального менеджмента можно считать Г. Форда и Ф. Тейлора, выявивших цель и основные принципы управления, применимые за рамками индустриального производства – в любой сфере общественной жизни [см. 16].

После попыток и последующего исчерпания возможностей и признания неэффективности экстраполяции технологического подхода на социальное управление в конфликтологии и социальной психологии начались исследования мотивации к труду и потреблению, различных аспектов переживаний взаимодействующих в процессе управления людей [см. 15]. Согласно В.С. Диеву, в настоящий момент насчитывается около пятидесяти критериев рисков и более 200 их видов [5, с. 27].

Это обусловлено, в том числе, и тем, что понятие риска используется во многих конкретных науках – гуманитарных, естественных, технических. Историки, например, определяют риск путем противопоставления случайности и закономерности в общественном развитии, а экономисты рассматривают его как реализацию возможной тенденции хозяйственной жизни. В рамках философского исследования, однако, уже указывается, что преодоление частных рисков (к примеру, рисков правонарушений) предполагает выявление и «учет социокультурных параметров конкретного общества» [14, с. 373].

Итак, несмотря на то, что все классификации риска описывают один и тот же феномен, каждый исследователь выделяет те его аспекты, которые приоритетны для него. Разумеется, неявно предполагается, что риск обладает общими, универсальными характеристиками, которые и позволяют проводить сравнения и строить классификации.

В течение века научное изучение различных рисков привело к трактовке общества как производителя рисков. Концепция общества риска разработана Э. Гидденсом, У. Бекон, Н. Луманом [см., напр.: 2,4,10]. Однако если общая теория и философия управления в целом опережает практику управления, в особенности в отношениях необходимости стремления к со-

циальной справедливости и путей решения глобальных проблем, то целостного представления об управлении в обществе риска еще не выработано.

С одной стороны, сам риск стал общенаучным понятием, применение которого не ограничено областью какой-либо частной науки или группы наук. Стремление к удовлетворению этих потребностей привело к возникновению нового научного направления – рискологии.

С другой стороны, общепринятой трактовки риска еще не существует, и интерпретации особенностей общества риска несколько различаются по степени общности и ясности формулировок. Социальное управление в рискогенном обществе не является достаточно разработанной темой, поскольку чаще всего эти социальные явления рассматриваются отдельно. С этой точки зрения исследование социального управления в обществе риска является весьма перспективным. Очертим его основные направления и методологию.

Нерешенной на данный момент проблемой является определение основных факторов риска в современном обществе, связанных с особенностями социального управления в современном обществе. Поскольку последнее представляет собой сложную систему, то инвариантные связи и отношения между элементами, подсистемами управления и внешней средой целесообразно исследовать при помощи системного анализа. Это позволит изучить управление в обществе риска как многоаспектное явление, упорядоченную и эволюционирующую целостность, каждый компонент которой способен генерировать и оптимизировать специфические риски.

Социокультурный подход может быть применен при философском рассмотрении риска как результата деятельности человека и потенциала раскрытия и самореализации личности в обществе риска. Ведь «отношения между людьми в современном обществе настолько многократно опосредованы» [9, с. 252], что отчуждение преодолевается ими все более сложным образом. Сравнительно-исторический подход – для характеристики эволюции феномена управления на различных этапах развития человеческого общества, в связи с влиянием отдельных социальных факторов. Принципы диалектики позволят рассмотреть сущность и развитие способов управления, а также производства и интерпретации рисков с позиций их взаимообусловленности и взаимодействия.

Список литературы

1. Аквинский Ф. О правлении государей [Фрагменты] // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI-XVII вв.). – Л.: Наука, 1990. – С. 233-243.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 384 с.
3. Гегель Ф. Философия истории. – М.: Наука, 1993. – 480 с.

4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность// Thesis. – 1994. – №5. – С. 107-134.
5. Диев В.С. Философская парадигма риска. // ЭКО. – 2008. – №12. – С. 27-38.
6. Книга правителя области Шан. – М.: Ламартис, 2006. – 304 с.
7. Конфуций. Суждения и беседы. – Спб.: Азбука-классика, 2015. – 224 с.
8. Локк Дж. Два трактата о правлении. // Civisbook.ru: Научная электронная библиотека Гражданское общество в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_1.pdf (дата обращения: 4.11.2014)
9. Лукманова Р.Х. Экзистенциальное стремление к гармонии // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. – 2015. – С. 252.
10. Луман Н. Понятие риска //Thesis. – 1994. – №5. – С. 135-160.
11. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – СПб.: Азбука, 2011. – 272 с.
12. Мор Т. Утопия. Т. Кампанелла. Город Солнца (сборник). – М.: Алгоритм, 2014. – 256 с.
13. Платон. Государство. – М.: АСТ, 2015. – 448 с.
14. Сиразетдинова М.Ф., Лукманова Р.Х. Особенности манипуляции сознанием в сфере права// Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 373-376.
15. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.20: Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 464 с.
16. Управление – это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. /Сост. Г.Л. Подвойский. – М.: Республика, 1992. – 349 с.